

Павел АМНУЭЛЬ

УДАР
ГИЛЬОТИНЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Павел Амнуэль Удар гильотины

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3746015

Аннотация

Каждый из нас помнит все, что с ним произошло в его жизни, и все, что не произошло в этой жизни, но случилось в бесконечном числе других вариантов, и все, что еще не произошло, но случится или сможет случиться. Если это записано в паззле мироздания, значит, я должен это знать, чтобы иметь возможность выбрать. Эта возможность всегда при нас – выбор того кадра, того элемента паззла, куда мы перейдем и тем самым заставим время двигаться. От прошлого к будущему. От причины к следствию.

Содержание

Шесть картин	4
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Павел Амнуэль

Удар гильотины

(Тайны детектива Манна)

(сборник)

Шесть картин

"Я обманул их тем, что ради истины сказал правду".

Николай Рерих

– Я совсем не так представлял себе жилище художника, – сказал Манн, осмотревшись. От его внимания не ускользнули ни паутина в углу между столиком и книжными полками, ни блюдо с недоеденными фруктами, ни темное пятно на полу у окна – то ли подтертая кровь, то ли пролитая краска.

– Как же вы представляли себе мое жилище, позвольте узнать? – голос Ритвелда звучал насмешливо, но Манн чувствовал и напряженность, и нежелание вести пустые разговоры, и готовность все показать, все сказать и обо всем договориться, лишь бы сбросить с себя груз и переложить его на плечи гостя, частного детектива, для того и приглашенного в эту не очень опрятную, с точки зрения постороннего человека, квартиру на Хартенстраат.

– Не ваше, – спокойно отозвался Манн. – Я имею в виду общее впечатление – с детства складывается определенное представление о том, как живут художники...

– Но вы не думаете, что я работаю там, где живу? – с налетом раздражения сказал Ритвелд. Ему рекомендовали Манна, как человека умного, успешного в делах, распутавшего несколько довольно громких (во всяком случае, их обсуждали в салонах амстердамской богемы) дел, и если он вовсе не так умен, как говорили...

– Нет, конечно, – улыбнулся Манн. – Ваша студия находится на Принценграахт, дом шестьдесят восемь. Извините, что я...

– Это вы меня извините, – сказал Ритвелд, показывая гостю на огромное кресло у декоративного камина. На кресло была наброшена искусственная тигриная шкура, огромная, будто снятая с давно вымершего саблезубого гиганта. – Эта история... трагедия... выбила меня из колеи. Что будете пить?

– Спасибо, – пробормотал Манн, опустившись в кресло и полностью утратив возможность видеть что бы то ни было, происходившее в комнате за его спиной: кресло повернуто было к камину, и, сидя на тигриной шкуре, заниматься можно было только одним делом – глядеть на огонь, точнее, на настоящие дрова, сложенные в камине аккуратным штабельком. Рядом на стене висела небольшая воздуходувка, а на полке над камином лежала старинная кремниевая зажигалка, похожая на револьвер системы «Смит и Вессон».

– Спасибо... что? – спросил невидимый голос хозяина, и гость, поудобнее устроившись в кресле и протянув ноги к незажженному пламени, ответил:

– Я не пью, господин Ритвелд. И не курю, что совсем странно. Если вы поставите стул так, чтобы я вас видел, то мы могли бы приступить к делу, ради которого вы меня позвали.

– Да, конечно, – шаги хозяина удалились, Ритвелд, судя по звукам, подошел к шкафу темного дерева, стоявшему слева от входной двери, раскрыл обе дверцы (скрип был двойным, и стекло, неплотно вставленное в пазы, чуть слышно зазвенело), достал с полки бутылку и рюмку (едва слышный хлопок пробки, два тихих звенящих звука) и появился,

наконец, в поле зрения детектива – в одной руке Ритвелд держал бокал, наполовину наполненный красным вином, а в другой – стул, настолько хлипкий по сравнению с креслом, что Манн подумал: художник непременно грохнетя, если сядет.

Ритвелд осторожно опустил стул, сел на край – похоже, что и хозяин не доверял прочности этого сооружения, – пригубил вино, поставил бокал на каминную полку и только после этого, сложив руки на коленях (пальцы едва заметно дрожали), проговорил:

– Обычно частные детективы не занимаются расследованием загадочных смертей?

– Обычно – нет, – сказал Манн, думая о том, станет ли хозяин возражать, если попробовать зажечь старинной зажигалкой дрова в камине.

– Но ведь вы как-то раскрыли убийство, и потому мне рекомендовали...

– Да, – кивнул Манн. – Тогда у меня были неприятности с полицией.

– Вы не хотите браться за это дело, потому что боитесь неприятностей? – спросил Ритвелд.

– Вы мне пока ничего не объяснили, – сказал Манн, все более раздражаясь. Художник ему не нравился, квартира не нравилась, камин, от которого не было никакой пользы, не нравился тоже. Почему ему должно было понравиться дело, о котором он, впрочем, знал, больше, чем это предполагал Христиан Ритвелд?

– Конечно... Я сейчас все... Но полицейские хроники в газетах вы, конечно, читаете? Вы читали в «Таг», что умер Альберт Койпер?

– Да, – коротко сказал Манн.

– Альберт Койпер, художник, его работы выставлялись в галерее «Шенберг», но до выставки в музее Ван Гога он не достигал, не тот уровень.

– Да, – повторил Манн.

– Что у него хорошо получалось, так это копии. Тот же Ван Гог, но больше ранние голландцы, его копия рубенсовской «Старухи с письмом» выставлена в Национальном музее.

– Да, – еще раз сказал Манн, давая понять, что видел он и копию картины Рубенса, и копию Ван Гога, и самого Койпера видел тоже, во всяком случае, знал о его существовании.

– Вчера утром Альберта нашли мертвым... Он лежал на полу, бедняга... Еще вечером умер, так пишут. Альберт жил один, то есть не то чтобы один, но постоянных женщин у него не было, а в последние недели не было вообще никого, он пил, не то чтобы много...

– От чего он умер? – прервал Манн бестолковую речь художника.

– Неизвестно! – воскликнул Ритвелд, непроизвольно взмахнул руками, стул под ним качнулся, и художник замер в нелепой позе. Он осторожно опустил руки на колени и сказал:

– Неизвестно, от чего умер Альберт. Он был здоров, как бык. Не болел никогда. В газетах написано, что это могло быть самоубийство. Депрессия и все такое. Я знал его. Я его видел два дня назад. Депрессия? Чуть. Альберта убили, и мне страшно...

– Вам? – поднял брови Манн. – Боюсь, что не улавливаю связи.

– Я сейчас все расскажу. И вы поймете. Я только поменяю стул, хорошо? На этом невозможно сидеть, я его утром сломал – так получилось, швырнул о стену...

– Да, – сказал Манн, – я понимаю.

Он смотрел на разложенные в камине дрова – больше смотреть было не на что, разве что на длинную извилистую щель в потолке – и думал о том, что, скорее всего, зря согласился прийти к этому человеку, нужно было пригласить его в офис, там разговор наверняка пошел бы иначе.

За спиной послышался грохот – упал то ли стул, то ли иной довольно тяжелый предмет, но, во всяком случае, не сам художник, – а затем в поле зрения возник Ритвелд с маленькой табуреточкой в руке. Аккуратно, будто антикварную вещь, поставив табуретку перед креслом и заслонив камин, в котором так приятно пылали зажженные воображением Манна дрова, Ритвелд уселся, вытянув ноги и таким образом сократив до нуля свободу движений

детектива – тот мог теперь лишь подогнуть ноги под себя; Манн хотел было сказать, что не может думать, сидя неподвижно, но решил промолчать – в конце концов, он здесь в гостях, и если хозяин устанавливает свои правила игры... Действия человека определяются его характером, верно? Потом можно будет подумать, о каких чертах характера говорит желание максимально ограничить гостю поле зрения и даже возможность движений. Да и о характере ли? Может, о том, что в комнате находится что-то, на что детектив, пусть даже приглашенный самим хозяином, не должен обратить внимания?

– Во-о-от, – протянул Ритвелд и продолжал, сжав ладонями колени, ему тоже было неудобно сидеть, но художник и попытки не сделал переменить позу. – Понимаете, какое дело, Альберта я знаю... знал... лет десять. Он пришел тогда на мою выставку... Меня выставили в музее Ван Гога, там на первом этаже есть зал... Очень престижно, а я был еще молодым художником, гордился чрезвычайно, вы бы видели, как мы пили, когда в первый день... Неважно. Альберт притащился на третий день или пятый, не помню, и бурчал под нос что-то не очень... Я подошел и спросил, чем господин недоволен. А он сказал, что недоволен моим успехом. Он, мол, всегда завидует успехам коллег, потому что сам такого никогда не напишет, и это естественное чувство, не нужно обижаться и вообще обращать на него внимание. Хорошо, да? Прямо так, открыто... Он вообще был человеком прямым – может, потому и художником не стал, я имею в виду не стал самостоятельным, творцом, вы понимаете, что я хочу сказать... Он был настолько прям и откровенен, что рисовать мог только с натуры, а взгляд у него был фотографический, он видел не то, что в глубине вещи, а то, что на поверхности. Яблоко – это яблоко. Дом – это дом. Коричневое – это коричневое.

– Реализм – это реализм, – прервал детектив.

– Что? Да, простите, я теряю нить, когда открываю рот...

– Понятно, – кивнул Манн.

– Знаете что... Вы лучше задавайте вопросы, а я...

– Это я и хотел предложить. Только постарайтесь отвечать коротко, хорошо? Да или нет. Согласны-не согласны.

– Да. Согласен.

– Альберт Койпер стал вашим другом?

– Нет. Как он мог стать другом? Он меня терпеть не мог, потому что...

– Но вы знали его настолько, чтобы предположить, что он не мог покончить с собой по какой бы то ни было причине?

– Да. То есть, нет, не мог. Не было причин.

– Почему вы в этом уверены?

– Потому что... Послушайте, вы не те вопросы задаете. Спросите меня: с каким предложением вы пришли к Койперу одиннадцатого августа тысяча девятьсот девяносто первого года?

– С каким же предложением вы пришли к Койперу одиннадцатого августа тысяча девятьсот девяносто первого года? – едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться потенциальному клиенту в лицо, спросил Манн.

– С профессиональным. Альберт был замечательным копиистом. «Старуха с письмом»... Да, я уже говорил. А я в то время закончил цикл картин, шесть – если быть точным. Цикл называется «Фантазии перед заходом солнца».

– Погодите, – сказал Манн, вспоминая. – «Фантазии перед заходом», верно. Картины, которые семь лет назад сторели вместе с типографией Кейсера? Художник – это были вы? – и Кейсер получили страховки, большую сумму, об этом писали в газетах.

– У вас хорошая память, – с уважением произнес Ритвелд. – Семь лет прошло – вы помните.

Манн отвел комплимент рукой, будто отодвинул в сторону возникшее перед глазами препятствие.

– Могу себе представить, что вы тогда чувствовали, – сказал он, просто чтобы что-то сказать и вызвать художника на откровенность. Он все еще не понимал, чего от него хотел Ритвелд.

– Не можете, – буркнул художник. – Я чувствовал вовсе не то, что вы представили. Видите ли, – я вам скажу, вы не страховая компания, я вас сам позвал, и вы обязаны сохранить профессиональную тайну, верно?

– Безусловно, – подтвердил Манн.

– Да, так я вам скажу... Этого никто не знает, ни одна живая душа, Альберт знал, конечно, и Кейсер тоже, но душа Альберта уже не живая, а Кейсеру говорить не резон, он, как и я...

– Вы хотите сказать... – начал Манн, догадавшись уже, какую тайну собирался поведать художник.

– Я хочу сказать, что мне ужасно не хотелось передавать в типографию оригиналы для работы, они были, как дети, я любил их... Вы не поймете. А у Кейсера своя студия в помещении типографии, все необходимое для фотокопирования... В общем, это было для меня совершенно невозможно. А Кейсер согласился издать мой альбом, ему нужны были картины. Дилемма, верно?

– Ну-у... – протянул Манн. – Честно говоря, не вижу... Все так делают, насколько я...

– Я же сказал, вы не поймете, – пробормотал Ритвелд. – И не нужно. Я... Я сам себя тогда не очень понимал, и лишь впоследствии... Вы ищете логику в моих поступках? Не ищите. Как бы то ни было, я нашел решение. Пошел к Альберту и предложил работу. Он согласился, почему нет? Сделать копии – деньги, что он с меня тогда слупил, были чуть ли не больше, чем то, что я мог заработать на авторских с альбома! Но я пошел на это. Альберт работал в моей мастерской, ему понадобилось два месяца, замечательные оказались копии, одна к одной, я же говорю – у Койпера был фотографический глаз, а оттенков цвета он различал столько, сколько ни одному японцу не снилось. Я ему заплатил – и за молчание тоже. Знаете, он ведь мог меня шантажировать – потом, я имею в виду... Но это было не в его принципах.

– Иными словами, – художник мог говорить бесконечно, и Манн прервал его на полуслове, – вы передали в типографию не оригиналы, как было обусловлено, а копии шести картин, сделанные Койпером.

– Да!

– Кейсер был в курсе дела?

– Конечно. Он знал. Для него это не имело большого значения – копии были хороши, а при подготовке к печати все равно многое теряется, как ни старайся...

– И в пожаре сгорели копии, – сказал Манн. – По сути, вы надули страховую компанию на... Сколько вы получили?

– Сто восемьдесят тысяч гульденов. По тридцать тысяч за каждую картину.

– Хотя цена каждой копии была...

– Сто гульденов в базарный день.

– И Кейсер? Он тоже?

– Да, достаточно, чтобы восстановить типографию.

– Это был... м-м...

– Да вы что! Поджог? Чушь, глупость, бред! Неисправность электропроводки – работала комиссия, в полиции есть протоколы, произошла идиотская случайность: что-то искрило, а там краски, бумага... Вспыхнуло, как свечка. Дотла. От картин даже рамы не остались целыми.

– Понятно, – протянул Манн. – Случайность. Хорошо. Но страховку вы получили как за оригиналы.

– Точно. Я бы заплатил Альберту за молчание. То есть, я думал, что он захочет, чтобы я... Он знал, что сгорела его работа, а не моя...

– И мог попытаться вас шантажировать.

– Да. Я был готов, но... Альберт ни разу за эти годы даже намеком...

– О существовании копий не знал никто?

– Кроме Альберта, Питера и меня. Никто. Ни одна живая душа.

– Значит... – протянул детектив, глядя на трещину в потолке; ему хотелось смотреть в глаза художника, увидеть его реакцию на то, что он сейчас собирался сказать, но Манн намеренно не делал этого, и не потому, что не стремился смутить собеседника, до смущения Ритвелда ему не было никакого дела, он испытывал себя, а не живописца – сможет ли он, специально тренировавший свой слух и нервную систему, услышать, ощутить, распознать шестым чувством истинные мысли человека, стремившегося скрыть то, что происходило в его черепной коробке.

– Значит, – кашлянув, повторил Манн, – подлинники картин сохранились, и, когда вы устроили вернисаж в галерее «Берке», они и были показаны публике?

Никакого движения. Художник даже не моргал, Манн был почему-то уверен в том, что, моргни Ритвелд, и это неслышное и мгновенное движение было бы его насторожившимися чувствами уловлено и проанализировано на подсознательном уровне, чтобы сообщить мозгу впечатление, готовое для выводов.

– Это были те самые картины, которые якобы сгорели в типографии семь лет назад, – уверенно продолжал детектив. – Но публике вы представили дело иначе – будто вы восстановили сгоревшие полотна по памяти, по настроению, по ощущениям, которые у вас сейчас, конечно, немного отличаются от тех, прошлых. Я не очень внимательно читаю страницы газет, посвященные искусству, но помню, что в «Таг» писали: Ритвелд не сумел повторить свое замечательное творение семилетней давности, в новых картинах нет того тепла, того света, той одухотворенности, они мастеровиты, они даже лучше написаны в смысле использования художественной техники нового времени, но те картины несли на себе печать гения, а новые – всего лишь тень таланта...

Ритвелд громко хлопнул ладонями по коленям, и Манн перевел взгляд на художника – тот был потрясен, щеки его стали румяными, как печеное яблоко, из полуоткрытого рта показался кончик языка, да, пожалуй, детективу удалось достичь нужного впечатления.

– Вы сказали, что не интересуетесь... – проговорил Ритвелд, глубоко вздохнув. – Но вы... повторили слово в слово то, что писал вчера в «Таг» Вернер Терсон.

– Память у меня профессиональная, – пробормотал Манн. – Достаточно, знаете ли, один раз пробежать глазами...

– Да, – уважительно произнес художник, – я слышал, что евреи никогда ничего не забывают. Теперь убедился.

– Еврей? – настала очередь удивиться детективу. – Вы думаете, я еврей?

– Но... Ваша фамилия... Тильман...

Манн расхохотался так, что где-то за его спиной, должно быть, в стеклянном шкафу с посудой, что-то тихонько звякнуло.

– Дорогой Христиан, – сказал детектив, отсмеявшись. – Вы позволите мне вас так называть? Дорогой Христиан, все художники обладают замечательным зрением, но плохо воспринимают информацию на слух, верно?

– Я... что-нибудь не так...

– Вам назвали мое имя по телефону?

– Ян ван Веер, да. Вы его знаете.

– Безусловно. Мое имя Тиль. Фамилия – Манн. Тиль Манн. А вам слышалось...

– О, Господи, – простонал Ритвелд. – Извините... Простите, я не хотел...

– Не хотели – что?

– Обидеть вас.

– Почему вы могли меня обидеть, назвав евреем?

– Ну, я не знаю, люди по-разному относятся...

– Дорогой Христиан, – сухо сказал Манн, выпрямившись в кресле, насколько это было возможно, сидя на мягком, проваливавшемся сидении, – давайте вернемся к делу.

– Да-да... – поспешил согласиться художник.

– Итак, я изложу последовательность событий, имеющих, возможно, отношение к смерти Койпера. Семь лет назад он по вашему заказу написал копии картин. Копии были доставлены в типографию Кейсера для того, чтобы сделать с них клише для печати. В ту же ночь типография сгорела дотла – картины тоже. Никто не знал, что сгорели копии. Вы и Кейсер получили страховку и семь лет ни словом не обмолвились о том, что картины целы. Вы хранили их все это время... где, кстати?

– А? Да, хранил. В мастерской. В подсобке. Иногда я смотрел на них и мечтал...

– Мечтали все-таки выставить эти шедевры – вы ведь и сами полагали, что картины прекрасны. И придумали, как вам показалось, гениальный ход: сообщили прессе, что восстановили картины по памяти. Хорошо потрудились. Все получилось один к одному. Замечательно. Вы устроили вернисаж, и критика единодушно решила, что «новые» картины гроша ломаного не стоят.

– Ну, это слишком! – запротестовал Ритвелд. Он даже встал со скамеечки и принялся ходить по комнате, исчезнув из поля зрения детектива. – Это вы совсем...

– Хорошо, – не стал спорить Манн. – Но пролежавшие семь лет картины почему-то показались вовсе не такими замечательными, оценки изменились, цена упала. Из чего следует, что оценки произведений искусства – чистая вкусовщина и конъюнктурщина.

– Вы так считаете? – сказал голос Ритвелда откуда-то со стороны окна.

– А вы – нет? Вы считаете, что картины, пролежав семь лет, потеряли художественную ценность?

– Они стали лучше! Они... В них появилось что-то, чего раньше не было! Я-то это вижу!

– Изменились вы, а не картины, – вздохнул Манн. – Впрочем, не будем спорить. Дальше. На следующий день после вернисажа Койпера находят мертвым. Врачи говорят – сердечный приступ. Вы утверждаете, что произошло убийство.

– Да, и хочу, чтобы вы это распутали, – твердо сказал художник.

Манн уперся обеими руками в подлокотники и попытался рывком поднять себя из кресла, которое вело себя подобно хищному южноамериканскому дереву-людоеду, заглатывающему свою жертву. Рывком не получилось, и детектив сполз к краю сидения, оттолкнулся от спинки и бросил тело вперед – в следующую секунду он понял, что стоит на коленях перед камином и руками упирается в полешницу дров. Нелепая поза, и пальцы наверняка в пыли...

– Что с вами? – воскликнул Ритвелд, но не сделал и шага, чтобы помочь Манну подняться: наверняка он не в первый и даже не в десятый раз устраивал этот фокус со своими гостями и наблюдал, как человек корчился, оказавшись в нелепой и, возможно, непристойной позе. Милый фокус. О характере хозяина он говорил больше, чем его картины.

Манн поднялся, обтер пальцы лежавшей на каминной полке салфеткой, подошел к Ритвелду, стоявшему у окна, и только теперь, впервые за время разговора, посмотрел художнику в глаза.

– Вы действительно хотите знать правду? – требовательно спросил он. – Какой бы она ни была?

– Конечно, – спокойно сказал Ритвелд, выдержав взгляд без малейшего напряжения. – Для того я вас и нанял.

– Вы меня еще не наняли, – отрезал Манн. – Мы не договорились о гонораре.

– Сколько? – спросил художник, не отводя взгляда.

– Одна, – сказал детектив.

– Что одна? – не понял Ритвелд. – Тысяча? Гульденов? Долларов?

– Одна картина, – пояснил Манн. – Всего их шесть, верно? Вы их продадите. Пусть даже за них и дадут цену, меньшую, чем дали бы семь лет назад.

– Да, – кивнул художник. – Я понял. Странные расценки, но ваше дело. Согласен. А если я не стану продавать картины?

– Станете, – уверенно сказал Манн. – После смерти Койпера – обязательно. Только не продешевите – я хочу получить настоящую цену.

– Это может продлиться довольно долго, – предупредил Ритвелд. – Не так просто продать шесть картин, тем более, что критики...

Манн отмел жестом возможные препятствия.

– Неизвестно, – сказал он, – кто добежит до финиша первым – вы, продавая картины, или я, расследуя смерть Койпера. Если вы согласны, то я хотел бы взглянуть на них. Они у вас в мастерской?

– Да, – сказал Ритвелд. – Не знаю, что это вам даст. Альберт жил на другом конце города...

– На Керкстраат, – кивнул детектив. – Дом шестнадцать. Туда я поеду потом. Сначала – картины.

* * *

Похоже, Ритвелд или не умел считать деньги, или полагал, что деньги – тлен, и обращаться с ними следует, как с плохо нарисованной картинкой. Манн размышлял об этом, не сумев пока выбрать правильную, на его взгляд, версию. Ритвелд уже который год входил в обойму лучших живописцев Голландии – в первой десятке он был наверняка, а может, даже и в первой пятерке. Ван Барстен, конечно, дал бы Ритвелду десять очков вперед, а еще Манн мог назвать Хервудса, хотя не понимал и не принимал его творчества, если можно назвать творчеством игру с кубическими предметами разных размеров и раскраски. Как бы то ни было, детектив знал точно: картины Ритвелда хорошо шли на аукционах, а в прошлом году «Мальчик на берегу канала» был продан на Сотби за цену, о которой грезил бы наяву любой современный автор. Манн не помнил точно, но конечная сумма составляла то ли сорок, то ли сорок пять тысяч долларов, и ушел «Мальчик» в чью-то частную коллекцию.

Ритвелд был – должен был быть! – богатым человеком. Значит, – по представлениям Манна, – жить обязан был в собственном доме в новом районе Вижзелстраат, где строили себе коттеджи богатые люди. И мастерскую Ритвелд должен был держать не на шумной и сырой Принценграахт, а в самом центре, в районе Дамрак, есть там – если смотреть снизу, – замечательные мансарды, специально приспособленные для создания живописных произведений, каждая из них наверняка сдавалась внаем за деньги, которые Манн видел реже, чем солнечное затмение.

Между тем, обитал Ритвелд в квартирке, за которую платил, скорее всего, не больше сотни гульденов в неделю, а мастерская, куда они поднялись по крутой винтовой лестнице, выходила окнами на узкую улицу, где каре домов загораживало солнце почти все время, а в зимние месяцы так вообще всегда. На что же тратил деньги художник, если не был патологическим жмотом, до которого Гобсеку расти и расти?

– Здесь довольно темно, – сказал Ритвелд, срывая и бросая на пол тряпки, которыми были занавешены стоявшие вдоль стен картины самых разных размеров – от кабинетной миниатюры в широкой раме до двухметрового полотна, изображавшего то ли Страшный суд, то ли пьяную уличную потасовку. – Вам наверняка показалось, что это плохое место для живописи. Я прав?

Манн промышчал что-то неопределенное, разглядывая картину, висевшую у дальней от окон стены. Это было полотно размером метр на полтора. Пустыня, похожая на Сахару, а может, на Аравийскую – почему-то Манну показалось, что это Африка или Ближний Восток, но никак не Дальний – Гоби, например. От песка исходил осязаемый жар, а с яркого синего со множеством оттенков неба лился свет невидимого солнца, оно сияло откуда-то из-за спины, и на песок ложилась четкая тень человеческой фигуры. Тень была странной и в то же время обычной, и лишь приглядевшись, Манн понял, что неопределимая с первого взгляда странность заключалась в том, что у человека, глядевшего на пустыню и оставившего на песке свою тень, были небольшие рожки, а может, это и не рожки были на самом деле, а просто волосы легли таким образом, чтобы создалось определенное впечатление.

– Я прав? – переспросил Ритвелд, стоя за спиной Манна.

– Да, – сказал детектив. – Мало света. Я вот не разгляжу – это черт или вы сами?

– Лично я, – заявил художник, – ни в каких чертей не верю, в Бога, кстати, тоже, но каждый решает это для себя, каждый видит то, что находится в его душе, внутри, понимаете, и если вы увидели на картине черта, то это говорит о вашей определенной предрасположенности к...

– Глупости, – решительно сказал Манн. – Я тоже не верю в чертей, просто...

– Верите, – твердо сказал Ритвелд. – Внутренняя вера. Вы даже не осознаете. Замечательно. Это лишний раз доказывает, что вы именно тот человек, который способен разобратся в смерти Альберта.

– Да? – сухо сказал детектив. – Допустим. Но все-таки... Здесь почти не бывает солнца, как вам удается...

– Хотите услышать мистическое объяснение? Вижу, мол, в полумраке? Нет, знаете ли, я действительно многое вижу – точнее, представляю себе, – не так, как остальные люди, но студию эту снял потому, что здесь относительно дешево. Понимаете, Тиль... Можно, я буду называть вас по имени, тем более, что мы разобрались в этом казусе, я думал, что это часть фамилии, извините...

– Да-да, – прервал Манн художника, не знавшего, похоже, как выбраться из нагромождения фраз. – Можно по имени. Это дешевая студия, я понял.

– Но вы не поняли другого, – усмехнулся Ритвелд. – Куда уходят деньги, которые я зарабатываю. Это всем интересно. Всех я посылаю, когда мне задают этот вопрос, а вам отвечу, поскольку... ну, если вы на меня работаете, то имеете право знать больше остальных, верно? Я кладу деньги в банк. Вот и все. Оставляю себе минимум. Чтобы хватило.

Так и есть, – подумал Манн. – Гобсек.

– Я не сквалыга, – продолжал художник, – упаси Господь. Если нужно, могу выбросить сотню тысяч... Если очень нужно. Я же заплатил Альберту за копии. Большие деньги – я даже не задумался, потому что так было нужно. Но... Поймите меня правильно. Ужасно боюсь старости. Немоги. Не смерти, а того, что ей предшествует. Ужасно боюсь. До одури. Это болезнь, я знаю. Фобия. Я консультировался. Но... Что есть, то есть. Коплю деньги, чтобы потом, в старости, когда не смогу держать кисть... Или перестанут покупать... В общем, вы понимаете?

– Да, – сказал Манн. – Пожалуй. До старости вам далеко. Сколько вам? Тридцать три?

– Тридцать семь. Выгляжу моложе.

– Вы уверены, что останетесь одиноким до старости? – вырвалось у Манна.

Ритвелд долго молчал, глядя на собственную тень, разлегшуюся на тонком песке африканской пустыни.

– Уверен, – сказал он наконец. – И, может быть, когда-нибудь объясню вам причину.

– Собственно, это неважно, – поспешил заявить Манн.

– Важно, – отрезал Ритвелд. – Просто вы этого еще не понимаете. Идите сюда. Вот они.

Шесть картин – квадраты со стороной примерно по полметра – стояли на мольбертах посреди мастерской, тусклый свет из окон падал на холсты, как вялый осенний дождь на городской асфальт, политый с утра из шлангов и не нуждавшийся в дополнительной влаге. Центром каждой картины было заходящее солнце.

На первой картине солнце заходило за резко очерченный склон далекой горы. Бордовое, мрачное, наверняка завтра будет сильный ветер, небо тоже пурпурно-бордовое внизу и желтоватое, сухое, рассыпающееся на атомы в зените, где висело, как полотенце на гвозде, единственное серое облако, похожее формой на расплющенного колесами автомобиля цыпленка. Что-то происходило на переднем плане – предгорье уже погрузилось во мрак, но какие-то тени остались, выглядели они так, будто Создатель бросил на середине работу по сотворению мира: то ли это были куцые, непроросшие до крон деревья, под которыми лежали дохлые звери (как они могли быть живыми, если у каждого чего-нибудь не хватало – ног, голов, хвостов, а то и самого туловища?), то ли полуразложившиеся создания, убитые или умершие своей смертью. Это был потусторонний мир, почему-то не страшный, но просто чужой, потусторонний не потому, что находился в стране смерти, а потому, что чужеродность его была изначально задана и выписана тщательно, уверенно и жестоко по отношению к нарисованным созданиям. И даже к солнцу, которое существовало зря и не было нужно ни этому миру, ни самому себе.

Такое, во всяком случае, сложилось у Манна мгновенное впечатление, и он перевел взгляд на вторую картину.

Праздник света и любви – будто переключил канал в телевизоре. Солнце заходило за крышу одноэтажного деревенского дома. Это был хорошо знакомый Манну домик в голландской деревушке Мервеншдат, где он родился тридцать четыре года назад и где провел первые шесть лет своей жизни. И солнце было именно таким, какое всегда улыбалось ему по вечерам, когда мама укладывала его спать. Она говорила: «Детям нужно ложиться вместе с солнышком и вставать тоже с ним. Дети и солнышко – как близнецы, понимаешь?» И он шел спать, хотя хотелось еще поиграть, а утром не хотелось просыпаться, но нужно было, потому что первые лучи солнца падали на его лицо – мама так расположила кровать в его маленькой комнате, что в любое время года засыпал и просыпался он с солнцем, и только в ненастные дни, когда небо становилось безнадежно серым, мама обозначала заходы и восходы звоном часов, которые приносила в его комнату из своей с отцом спальни – это были большие карманные часы, точнее, часы для кармана какого-нибудь сказочного гиганта, именно поэтому они сами знали, когда солнце должно скрыться за горизонтом и когда должно появиться, и звонили тоже сами, Тиль не знал тогда, что часы можно поставить на нужное время, нажать кнопку на задней панели, и тогда они сами зазвонят именно тогда, когда нужно маме... и солнцу, которое всегда входило в его комнату вместе с мамой и уходило тоже с ней. Однажды – навсегда.

Манн дернул головой, отгоняя воспоминание, и перевел взгляд на третью картину. Это был тщательно выписанный уголок Амстердама – похоже на берег Херенграахт на углу улицы Кониингсплейн, но только похоже, а на самом деле это была какая-то другая улица, но непременно именно в этом городе, потому что на полотне присутствовал дух, какого нет нигде больше, Манн знал это на собственном опыте, даже если в Амстердаме не было на самом деле такого перекрестка, он должен был, обязан был здесь быть. А солнце прицепилось к шпилю трехэтажного здания постройки девятнадцатого века. Солнце было самым

обычным, амстердамское солнце сентября или октября – это почему-то Манн безошибочно мог определить по цвету, по яркости, по едва различимым перистым облачкам на обычном амстердамском голубовато-сером небе. Покой. На картину хотелось смотреть и ждать – бесконечно долго, – пока солнце оторвется наконец от шпиля и скатится за конек крыши, и тогда станут видны внутренние помещения этого дома, потому что лучи непременно проткнут здание насквозь, как рентген, как мысль, как фантазия, как желание знать...

На четвертой картине солнце опускалось в море. Может быть, в океан. Водная ширь была бесконечной, как Вселенная, солнце было далеким, как звезды на уже потемневшем небе, а звезды, хотя и выглядели точками, почему-то казались такими же близкими, как захватывающее солнце. Впечатление было странным, абсурдным, но избавиться от него Манн не мог и искоса бросил вопросительный взгляд на художника, стоявшего рядом. Ритвелд сложил руки на груди и созерцал собственные полотна, будто не сам был их автором, а вместе с Манном сейчас впервые видел то, что порождено было его воображением.

Наверно, так и должно быть в реальной бесконечной Вселенной, – подумал Манн. Ведь для бесконечности нет расстояний, нет понятий «далеко» и «близко», и если этот океан так же бесконечен, как небо над ним, то и звезды, и солнце должны быть равно удалены от его нескончаемой поверхности.

Мысль была, конечно, неправильной, но отделаться от нее Манн не мог, взгляд погружался в океан, и солнце виделось будто сквозь водяную пленку, а потом взгляд поднимался над поверхностью воды, и она начинала блестеть, как тусклое зеркало, в котором свет звезд и солнца смешивались в равной пропорции, и тогда Манн не мог понять – закат это был или восход, или, может, даже ясный полдень в арктических широтах, где солнце никогда не поднимается высоко над отсутствующим горизонтом, а ведь горизонта на картине действительно не было, неожиданно понял детектив, просто ниже солнца была голубизна океана, а выше – голубизна неба, в океане звезды только отражались, а в небе светили собственным светом...

...который почему-то освещал и пятую картину, где художник изобразил лесную поляну. Деревья переплелись ветвями, стволами, какими-то невидимыми отношениями любви и ненависти, эти отношения Манн легко угадывал, но не смог бы объяснить ни себе и никому другому. Почему он вдруг решил, что дуб, изображенный справа, терпеть не может березку на переднем плане, а березка, приспустив ветви, влюблена то ли в клен, то ли в липу – породу дерева Манн определить не мог, но точно знал, что между березой и этим вытянувшимся за верхний предел картины стволом давно существовали близкие и интимные отношения. А солнце заходило где-то сзади. Солнца и не видно было, но все равно оно присутствовало, оно создавало на картине свет заката, создавало настроение теплого вечера, оно... солнце было здесь, посреди поляны, невидимое взгляду, но заставлявшее деревья отбрасывать тени, которые ни при каких иных обстоятельствах не могли существовать.

И все. Шестая картина была лишней. Почему-то Манну даже не хотелось на нее смотреть. Мольберт с холстом стоял в общем строю, требовал к себе такого же внимания, но или взгляд устал, или внимание вдруг рассеялось, или иное какое-то ощущение возникло, не предусмотренное художником, а может, как раз наоборот, – очень точно им предугаданное, но, как бы то ни было, шестая картина осталась вне восприятия. Ну, заходит солнце. То ли в поле, то ли на сельской или городской окраине. Наполовину скрылось, ничего особенного. Пейзаж. Можно было и не рисовать, подумаешь, невидаль...

– Ну? – сказал Ритвелд, когда Манн, пройдя мимо шестой картины, нашел взглядом стоявший у дальней стены пуфик и опустился на него, как усталая барышня после долгой прогулки с кавалером по шумной улице с многочисленными витринами, от которых невозможно отвести взгляд.

Манн покачал головой. Наверно, хорошо. Наверно, каждая картина действительно стоила десятки тысяч. Он не был специалистом. Он не знал. Он бы хотел повесить у себя в офисе картину номер четыре – чтобы всегда помнить о бесконечности мироздания и собственной ничтожности. Остальные... Наверно, был какой-то смысл в том, чтобы показывать полотна в определенной последовательности. Наверно, был смысл в том, чтобы рисовать именно так. Но важно ли это? Для него лично, для расследования, для смерти некоего Альберта Койпера – важно?

– Я не специалист, – извиняющимся тоном проговорил Манн. – Мне понравилось.

Ритвелд кивнул, будто и не ждал иного ответа.

– Вы полагаете, что эти картины имеют к смерти Койпера какое-то отношение? – спросил Манн.

– Не знаю, – мрачно сказал художник. – Надеюсь, что никакого. Вы мне скажете это, когда...

Манн кивнул.

– И вы теперь боитесь за себя. На мой вопрос «почему» вы не ответили.

– Как же? – растерялся Ритвелд. – Я... Я вам все рассказал! И про картины, и о пожаре, и о том, что я выставил оригиналы, будто новые...

– Верно, – кивнул детектив. – И что же? Допустим, некто узнал о вашей афере. Он пошел к Койперу и убил его? Зачем? Почему не пришел с обвинением к вам? Если целью был шантаж, то с вас взять – более естественно, чем с копииста. И если цель – шантаж, то убийство не вписывается. Шантажисты не убивают – поверьте, я имел с ними дело. Уверю вас, если Койпера действительно убили, причина, скорее всего, не имеет к вам ни малейшего отношения. С точки зрения здравого смысла, – добавил Манн, мысленно допустив, что в мире искусства здравый смысл далеко не всегда играет определяющую роль.

– Или вы мне не все сказали, – проговорил детектив несколько минут спустя, прервав молчание; Ритвелд стоял, сложив на груди руки, переводил взгляд с картины на картину, хмурился и, возможно, действительно, думал о чем-то таком, что не хотел говорить Манну.

– Почему? – спросил Ритвелд у солнца, заходившего в море на четвертой картине. – Почему умер Альберт, молодой человек, никогда и ничем не болевший? Почему он умер после того, как я показал оригиналы? Почему все – все! – критики, видевшие картины, утверждают, что они хуже прежних, хотя я вижу, что это не так, и Альберт видел то же, что я?

– Койпер присутствовал на вернисаже? – спросил Манн. – Вы мне об этом не говорили.

– Да, он пришел... Стоял в углу. Не хотел обращать на себя внимание. Я не подходил к нему, он сам... Подошел и сказал тихо: «Они стали лучше». И ушел. Больше я его не видел.

* * *

Машина у Манна была маленькая – «пежо», только такие и выживали на узких амстердамских улицах, а большие и шикарные «кадиллаки» бились, как блюдца. Детектив сел за руль, включил двигатель и долго ждал, пока мотор прогрелся. На самом деле он размышлял над словами художника, пытался понять его логику, которой скорее всего не было – люди искусства жили чувствами, подсознательными импульсами. Хорошо, что криминалистика – наука, работа, профессия, а не способ самовыражения, познания себя и своего места в мире. Будь это так, Манну с его рациональным характером пришлось бы искать другое занятие – программирование, например.

Тронув, наконец, машину с места, Манн свернул на набережную Рокин и, доехав до Аудиториума, поставил «пежо» на стоянку и пешком направился к Керкстраат, где вдоль тротуаров росли каштаны, а туристов было больше, чем воробьев на карнизах.

Как он и ожидал, у дома, где расстался с жизнью Альберт Койпер, дежурил полицейский в чине сержанта, молодой парень, которого Манн видел пару раз в компании старшего инспектора Мейдена, наверно, один из его помощников. Значит, делом занимается Мейден. И следовательно, версия о естественной кончине художника полицию тоже не устроила.

– Здравствуйте, Ханс, – приветливо сказал Манн, – шеф внутри или вы тут один прозябаете?

Сержант перевел взгляд с витрины магазина сексуальных принадлежностей на выросшего перед ним детектива и произнес флегматичным тоном, не допуская, однако, никаких возражений:

– Входить нельзя, герр Манн. Только по личному распоряжению старшего инспектора Мейдена.

– Это понятно, Ханс, – благодушно сказал Манн. – Я и спрашиваю: можно ли мне видеть старшего инспектора Мейдена?

– Конечно, – улыбнулся сержант. – Старший инспектор вас уважает, герр Манн, он сам говорил дня три или четыре назад.

– Так как же мне его увидеть, – с нетерпением проговорил детектив, – если, при нашем взаимном уважении, он находится внутри, а я – снаружи?

Дилемма показалась сержанту неразрешимой, о чем свидетельствовал его застывший взгляд и три глубокие морщины, прорезавшие гладкий молодой лоб. Если он еще сильнее углубится в размышления, – подумал Манн, – мимо него можно будет пройти, и бедняга ничего не заметит.

– Вот что, – решил наконец сержант, – вы подождите здесь, а я пойду спрошу старшего инспектора.

– Не годится, – отмел предложение Манн. – Что мне делать, если кто-то захочет войти внутрь? У меня нет личного распоряжения старшего инспектора Мейдена не пускать никого, кроме...

– Кроме? – подозрительно спросил Ханс.

– Разве, – удивился Манн, – старший инспектор Мейден не сделал для меня исключения? Вы сами сказали только что, как он меня уважает.

Сержант погрузился в раздумья, но проблема разрешилась сама собой: дверь распахнулась, и на улицу вышел старший инспектор Мейден в сопровождении судмедэксперта управления внутренних дел майора Шенде. Увидев детектива, Мейден воскликнул, протянув руку:

– Добрый день, дорогой Тиль! Я ждал вас чуть раньше и, как видите, уже собрался уходить.

Настала очередь Манну удивиться.

– Вы меня ждали, старший инспектор? Почему? Еще час назад я не...

– Дорогой Тиль, вы не хотите думать! Разумеется, я установил наблюдение за домом и мастерской Ритвелда, и мне сообщили, как только...

– Я мог и не принять предложение, – пробормотал Манн, в мыслях укоряя себя за очевидный прокол: ему и в голову не пришло проверить, ведется ли наблюдение за художником.

– Не могли! – бодро провозгласил инспектор Мейден. – Не такое у вашей фирмы финансовое положение, чтобы отказываться от выгодного и простого дела.

– Простого? – уцепился Манн за наверняка не случайно сказанное слово.

– Простого, – твердо повторил Мейден. – Давайте договоримся, Манн. Я разрешу вам прочитать кое-какие страницы из материалов расследования, – когда все будет надлежащим образом оформлено, конечно, – а вы расскажете мне, почему смерть Койпера так взволновала Ритвелда. Что общего между этими людьми? Вы понимаете, какая именно информация меня интересует?

– Разумеется, – кивнул Манн. – И поскольку вас интересует подобная информация, вы не уверены в причине смерти Койпера.

Мейден внимательно посмотрел Манну в глаза (тот не опустил взгляда) и сказал:

– Дорогой Тиль, меня интересует не Койпер, а ваш клиент.

– Мой клиент? – нарочито удивился Манн.

– Давайте изменим условия еще не заключенной сделки. Я расскажу вам, что знает полиция, а вы мне скажете, почему Ритвелд уверен в том, что Койпера убили.

«Черт, – подумал Манн, – надо сто раз думать, прежде чем открывать рот в присутствии Мейдена. Почему я каждый раз допускаю, что инспектор менее умен, чем мне это доподлинно известно по прежним встречам?»

Ответ был прост: выглядел Мейден простецким парнем, недалеким и говорливым полицейским, и даже те, кто хорошо знал жесткий и расчетливый ум старшего инспектора, в первые минуты разговора с ним поддавался влиянию внешних факторов, забывая на время о том, что нужно остерегаться и не говорить лишнего.

Изображать перед Мейденом святую невинность было по меньше мере глупо, но и пересказывать соображения художника Манн не собирался, тем более, что в соображениях этих для старшего инспектора не было, скорее всего, ничего интересного.

– Койпер был на вернисаже у Ритвелда, – доверительно сообщил Манн о том, что Мейдену, скорее всего, было уже известно. – Они обменялись парой слов, а наутро Койпера нашли мертвым. Художники – люди очень чувствительные, замечают самые незначительные детали...

– Хотя чаще всего потом не могут их описать словами, – сказал Мейден. – Художники, дорогой Тиль, самые ненадежные свидетели, смею вас уверить, если вы в этом еще не убедились сами.

– Как свидетели – наверно, – согласился Манн. – Выступая свидетелем, художник вынужден рассказывать не о своем восприятии реальности, а о реальности как таковой. А есть ли реальность как таковая в сознании художника?

– Оставим это, – покачал головой Мейден. – На какую деталь обратил внимание ваш клиент, разговаривая с Койпером?

– Это не деталь реальности, а впечатление, и потому я склонен верить... На Ритвелда Койпер произвел впечатление человека, удовлетворенного жизнью. Человека, строившего планы на будущее – он не сказал ничего о своих планах, но Ритвелд убежден, что такие планы у Койпера были. И потому, узнав о самоубийстве...

– Разве газеты писали о самоубийстве? – прервал Манна Мейден. – Если так, то журналисты, как обычно, выдали одну из версий за единственную.

– Несчастный случай? – поднял брови Манн.

– Макс, – обратился инспектор к стоявшему рядом с безучастным видом майору Шанде, – скажите, что вы думаете о безвременной кончине господина Койпера.

Судмедэксперт сделал вид, что только сейчас заметил присутствие постороннего.

– Не думаю – сказал он, – что кончина эта была безвременной. Когда бы человек ни ушел из нашего мира, значит, настало его время. Для одних время наступает на сотый год жизни, для других – на второй...

Заметив, что Манн готов еще долго выслушивать лекцию и не собирается прерывать ее нетерпеливым жестом или, тем более, словом, майор Шанде бросил фразу на середине, будто недоеденный кусок бутерброда, и перешел к делу:

– Смерть наступила вчера между полночью и двумя часами ночи. На теле нет признаков насилия – впрочем, полное обследование еще не проводилось. Внешние признаки – закушенная губа, синюшные пятна на кончиках пальцев, выражение страха на лице – очевидные свидетельства неожиданного сердечного приступа. Положение тела свидетельствует

о том же. Есть факторы внешнего порядка, заставляющие отбросить версии об убийстве или самоубийстве.

– Внешнего порядка, – хмыкнул Мейден, – это закрытые двери и окна, отсутствие предсмертной записки, запись в дневнике, согласно которой господин Койпер собирался сегодня встретиться с заказчиком, а в четверг посетить вернисаж в музее Ван Гога. Кстати, на пятницу у него билет в оперу на «Королеву фей». Так что, как видите, дорогой Тиль...

– Да, – пробормотал Манн, – согласен. Особенно если вскрытие подтвердит...

– Безусловно, подтвердит, – сказал майор Шанде. – Извините, мне нужно ехать...

– Да, конечно, – кивнул старший инспектор. – Когда вам позвонить, Макс?

– Я сам вам позвоню, как только закончу, – бросил эксперт, повернувшись к Манну спиной.

– Можете не сомневаться, – сказал Мейден, – окончательный результат окажется таким же, как предварительный. На моей памяти, во всяком случае, иного результата не было.

– Сердечный приступ, – сказал Манн. – У молодого, совершенно здорового мужчины. Вы сами не уверены в том, что Койпер умер от инфаркта. Иначе зачем поставили наблюдение у дома Ритвелда?

– Не ловите меня на слове, – усмехнулся Мейден. – Наблюдение уже снято. Вчера у меня действительно возникли сомнения, но после того, как майор...

– Могу я узнать, какие сомнения у вас возникли? – вежливо поинтересовался Манн.

– Не имеет значения, – отмахнулся Мейден. – Я ошибся. Или право на ошибку вы признаете только за собой? Простите, Тиль, мне тоже нужно ехать.

Он крепко ухватил Манна под локоть и пошел в сторону Аудиториума.

– Если Койпер умер от инфаркта, – сказал Манн, – зачем нужна охрана?

– Сразу сниму, когда получу от майора официальное заключение, – буркнул Мейден.

* * *

– Господин Манн, – сказала консьержка, когда детектив проходил мимо, направляясь к лифту, – могу я напомнить вам, что тридцатого числа госпожа Хофф имеет обыкновение сдавать в банк полученные чеки?

Манн остановился. Он всегда останавливался и заговаривал с фрекен Гилдой, ему нравилась эта улыбчивая женщина, находившаяся в том возрасте, который ей хотел дать себе-седник. Манн никак не мог разрешить этой загадки: иногда ему хотелось видеть перед собой семидесятилетнюю старушку, и фрекен Гилда так и выглядела – седенькая, маленькая, с морщинками вокруг глаз. А иногда он выходил из лифта с желанием увидеть на месте консьержки молодую женщину с горящими от вожделения глазами – и она там действительно сидела: пухленькая, с упругой грудью, призывным взглядом и улыбкой, которая ничего, кроме желания немедленно отправиться в постель, означать не могла. И то, что всякий раз это была одна и та же, много лет знакомая фрекен Гилда, о которой Манну было точно известно, что ей недавно исполнилось пятьдесят семь, поражало его, заставляло замедлить шаг, остановиться, сказать какую-нибудь сентиментальную пошлость. С трудом подавляя возникавшее желание, он выходил из дома, в котором снимал двухкомнатную квартиру на седьмом этаже – с видом на Амстель. Или, как сейчас, входил и непременно, прежде чем направиться к лифту, ловил взгляд фрекен Гилды и перебрасывался с ней хотя бы двумя словами.

– Вот как? – сказал он. – Госпожа Хофф хочет сказать, что среди чеков нет моего? Видимо, она что-то напутала: я послал ей чек по почте как обычно, семнадцатого числа. Вы же знаете, фрекен Гилда, мою пунктуальность.

– Конечно, – улыбнулась консьержка. – Вы даже помните день моего рождения, хотя, честно вам признаюсь, лучше бы никто об этом не вспоминал. Извините, герр Манн, если я вас обидела напоминанием, я как-то автоматически... Всем говорю, кто проходит мимо, вот и... Еще раз извините.

– Забыто, – бодро сказал Манн. – Как и день вашего рождения.

Поднимаясь в лифте, Манн раздумывал над словами консьержки, в какой-то момент пробудившими то ли забытое, то ли попросту не существовавшее воспоминание. Deja vu, но странное, посещавшее Манна в разное время независимо от сознательных желаний – картинка, о которой он не мог сказать, напомнила ли она ему виденное в прошлом или показала нечто, предстоявшее в будущем. Часто это ощущение так и оставалось необъясненным и для Манна необъяснимым. В мистику и оккультизм любого рода он не верил и полагал, что когда-нибудь, если выдастся хотя бы неделя свободного от беготни времени, он непременно закроет все двери, выключит все телефоны, сядет в гостиной на полу в позе лотоса и предастся самопознанию, до которого в суеде дней у него не доходили руки, а точнее, мозг.

Манн собирался принять душ, переодеться и отправиться в картинную галерею ван Дармлера, где к вечеру обязательно соберется весь амстердамский бомонд, даже те, что ни уха, ни рыла не понимал в выставленных для показа произведениях модного авангардиста Юлиуса Клавеля. Манну его мазня не то чтобы не нравилась, бывает мазня похуже, но нарочитый примитивизм раздражал, как выставленные напоказ гениталии. Примитивизм в реалистической живописи он понять мог, а в живописи абстрактной... Но в галерее можно будет что-то услышать, разговоры бывают интереснее картин.

Выходя из ванной, он услышал телефонный звонок и схватил трубку, не выпуская из рук полотенца.

– Шеф, – сказал звонкий голос Эльзы, – вы знаете, найти координаты Кейсера оказалось не так-то просто.

– Да? – удивился Манн. – Разве его фамилии нет в телефонной книге в разделе «Типографии и книгопечатание»?

– Я тоже была в этом уверена. Нет, шеф. И в других разделах тоже.

Бывает. Люди довольно часто ищут уединения и исключают свое имя из списков абонентов. Но Кейсер – бизнесмен. Как же он находит клиентов для своей типографии, если его фамилии даже нет в телефонной книге?

– Странно, – вслух подумал Манн. – Если Кейсер не дает объявлений, как он ведет свой бизнес?

– Шеф, – вскричала Эльза, и Манн отодвинул трубку от уха, – мне тоже пришла в голову эта мысль! Я позвонила Аните, а она связалась с Клариссой, вы их не знаете...

– И знать не хочу, – пробормотал Манн, цепочки Эльзиных знакомых порой оказывались такими длинными, что, будь каждое из звеньев золотым колечком, надеть такую цепь на шею было бы невозможно – она волочилась бы по полу. Подруг у Эльзы было пол-Амстердама, Манн представления не имел, когда и как молодая девушка (Эльза всем говорила, что ей двадцать, хотя по документам – уж Манн-то знал, поскольку, принимая ее на работу, видел паспорт – исполнилось двадцать четыре) успела перезнакомиться с половиной женского населения города, включая жительниц квартала красных фонарей.

– ... Так Эмма сказала, что типография Кейсера уж скоро год, как не выполняет заказы, хозяин меняет оборудование, а еще он в прошлом году женился, взял молоденькую, из Роттердама, представляете, это же все равно, что жениться на простолудинке, у них там...

– Спасибо, дорогая, – прервал Манн поток Эльзино красного речья. – Резюмирую: типография закрыта, идет смена оборудования, хозяин женился... Это все?

– Вам, конечно, мало, – обиженно отозвалась секретарша.

– Ну что ты! – девушке следовало дать конфетку, чтобы она не разревелась от шефского невнимания к ее стараниям. – Ты лучшая секретарша на свете. Я собираюсь сейчас в галерею ван Дармлера...

– На выставку Клавелля?

– Ты там уже была?

– Нет, – сказала Эльза таким тоном, что дальнейшие вопросы выглядели излишними.

* * *

На картины Манн не смотрел – чтобы не раздражаться. Но бродить по залам и ни разу не взглянуть даже краем глаза на полотна, одно из которых занимало всю стену в центральном проходе, было невозможно. Мазня, конечно, но многим нравилось, Манн подметил две группы, намеренно не обращающие друг на друга внимания, – в одной витийствовал, тыкая пальцем в ту или иную делал картины, известный критик Хойфер, писавший для «Таг», а в другой группе не менее известный искусствовед Мариус Унгер излагал свои соображения голосом тихим, заставлявшим слушателей приблизиться вплотную, и потому толпа здесь была больше похожа на клубок тел, приклеенных друг к другу дурно пахнущим синтетическим клеем.

Почему Унгер ассоциировался с неприятным запахом, которого на самом деле не было, Манн объяснить не мог, но инстинктивно обходил этих людей стороной, выглядывая кого-нибудь, кто мог дать хоть какую-то информацию.

В одной из групп говорили о смерти Койпера, и Манн прислушался.

– Покончил с собой...

– ...Глупости. Он такой жизнелюбивый. Просто сердце не выдержало...

– Чего? Разве у него были проблемы?

– А разве сердцу, чтобы не выдержать, нужны проблемы? Анни прошлым летом скончалась, помните, тридцать два года, такой муж, дети, свой дом, какие проблемы, живи – не хочу, а сердце – бум, и все...

– Да, это я понимаю...

Чушь, пустые разговоры. Но что характерно – никто (Манн вслушивался внимательно и нужной фразы не пропустил бы) не высказал ни малейшего сомнения в том, что смерть Койпера могла произойти не от естественной причины. Об убийстве никто и слова не промолвил. Даже самоубийство практически не обсуждалось – похоже, поводов для того, чтобы уйти из жизни, у художника действительно не было.

– Простите, – произнес тихий голос, – вы ведь Тиль Манн, я не ошибся?

Манн обернулся и увидел низенького человечка, пухлого, как сэр Джон Фальстаф в исполнении актера-недомерка. Росту в говорившем было не больше метра шестидесяти, а может, на сантиметр ниже. Во всяком случае, Манну с его метром и семьюдесятью пятью сантиметрами этот человек едва доставал до плеча. Был он в хорошем темно-сером костюме от Камдаре, напояженные волосы, окружавшие лысую макушку, производили странное впечатление единственного широко раскрытого глаза, тем более, что настоящие глаза были опущены долу.

– Да, – сказал Манн, – а вы...

– Питер Кейсер, все виды печати, к вашим услугам. Я слышал, вы мной интересовались, и решил не затруднять вас поиски...

– Не то чтобы интересовался, – протянул Манн, – но поговорить действительно было бы неплохо.

– Здесь?

– Нет, – улыбнулся Манн, – здесь можно говорить только о художниках и картинах, а я хотел спросить вас о другом...

Через несколько минут они заняли столик в кафе «Мангуста» – это было обычное во всех отношениях заведение, где хозяйничали два пожилых араба, разносившие еду с медлительностью восточных шейхов, опустившихся на старости лет до занятия, которое презирали всю свою сознательную жизнь.

– Рыба с картофелем, салат, пиво, – заказал Манн и вопросительно посмотрел на Кейсера.

– Повторите, – кивнул шейху типограф и добавил: – Ваш сын, надеюсь, оправился от пневмонии?

– Спасибо, – пробасил араб, – все уже в порядке, но к работе я его пока не допускаю – на кухне жарко, и легко опять простудиться.

– Вы знаете хозяев? – спросил Манн, когда араб отошел. – Вы здесь часто бываете?

– Почти каждый день, – рассеянно отозвался Кейсер. – У Махмуда лучшая рыба в Амстердаме, и если вы этого не знаете, господин Манн, то одно из двух: или не едите рыбу, но тогда почему заказали именно ее, или посещаете только дорогие рестораны.

– Дорогие рестораны мне не по карману, – улыбнулся Манн, – а рыбу я очень люблю, потому ее и заказал. В этом заведении я действительно никогда не был, но причина прозаическая – чаще всего я обедаю рядом с офисом, а завтракаю дома. Ужинать приходится не всегда, вечером много работы, такая уж профессия...

– Вы по профессии...

– Вам не сказали? Частный детектив.

– Вот как?

– Да? – напомнил о себе Манн, потому что Кейсер надолго погрузился в раздумья.

– Нет, ничего, извините. Странно. Мне казалось, что мы будем говорить об Альберте.

– О Койпере? Разумеется, о ком же еще?

– Ну... Что может заинтересовать детектива в смерти бедняги Альберта?

– Вы тоже полагаете, что он умер от сердечного приступа?

– Так говорят все, – осторожно сказал Кейсер и слегка отодвинулся от стола – подошел молодой араб с тонкими, скорее не арабскими, а французскими усиками, и принялся расставлять тарелки, соусницы, хлебницу с только что выпеченными лепешками. Рыба выглядела очень аппетитно, картошка была именно такой, какую любил Манн, и когда, откупорив бутылки с «Хейнекемом», официант отошел, оба набросились на еду, не обращая друг на друга внимания.

– Господи, – сказал Манн, отдышавшись, – давно не получал такого удовольствия.

– Я же говорил... – пробормотал Кейсер, пережевывая остатки салата. – А если Альберт умер не от сердца, то от чего, по-вашему?

Будто и не было перерыва в разговоре! Он держал в уме эту фразу все время, пока тщательно прожевывал каждый кусочек рыбы?

– Всегда буду обедать только здесь, – сказал Манн. – Умер господин Койпер именно от сердца, это медицинский факт.

– Но вы только что сказали...

– Не только что. Двадцать минут назад.

– И пока ели рыбу, успели передумать?

– Скажите, Питер... Я могу вас так называть?

– Да, разумеется, – пожал плечами Кейсер.

– Скажите мне, Питер... Вы давно знакомы с Койпером?

– Лет пятнадцать.

– Он был хорошим художником?

Кейсер поднял на детектива удивленный взгляд.

– Да, безусловно, – сказал он. – Вы считаете иначе?

– Я не большой знаток живописи, – покачал головой Манн. – Если говорить правду, я в ней вообще ничего не понимаю. Если вы мне покажете неизвестные картины Рембрандта и Рубенса, я не смогу определить, кто из них автор.

– Тогда я не понимаю, – пробормотал Кейсер, – почему вы хотите говорить об Альберте, если... А, вот оно что! Вас наняли. Ну конечно! Как я сразу не догадался? Детектив. Я почему-то решил, что Альбертом вы заинтересовались не в силу своей профессии, а потому что... Любить искусство может кто угодно, верно? Детектив – человек, почему бы ему в нерабочее время... А вы... А на самом деле... Вот оно что...

Кейсер щелкнул пальцами, подскочил мальчик-официант, типограф что-то быстро сказал ему по-арабски, мальчик ответил, купюра, достоинства которой Манн не успел разглядеть, перекочевала из кошелька Кейсера в ладонь официанта, и тот исчез, будто надел шапку-невидимку.

– Извините, – сказал Кейсер, вставая. – Я совсем забыл, у меня много дел, пора ехать. Подвезти не предлагаю, еду за город. Всего хорошего, рад был познакомиться.

Манн доел рыбу в одиночестве, допил пиво, подозвал официанта и протянул ему двадцать гульденов.

– Другой господин заплатил за все, – мальчик не стал брать деньги, даже отступил на шаг, чтобы не предаться соблазну.

– Другой господин... – протянул Манн. – Ты его знаешь? Он здесь часто бывает?

Мальчишка, не искушенный в жизненных сложностях и не знавший еще, что не на каждый вопрос клиента нужно давать правдивый ответ, сказал:

– Часто, да. Раза четыре в неделю. Не по субботам и воскресеньям.

– Днем или вечером?

– Днем, господин. В обед.

– Очень хорошо, – Манн вложил купюру в ладонь мальчика. – Бери, я знаю, что мой друг уже заплатил. Это тебе.

– Спасибо, господин...

* * *

Вряд ли Кейсер имеет какое-то отношение к смерти Койпера, – думал Манн, выезжая к каналу Херенграахт. Ехал он в сторону своего офиса, но не уверен был, что доедет: надеялся, что его посетит какая-нибудь здравая мысль, и тогда он повернет в ту сторону, куда эта мысль его направит.

Кейсер готов был говорить о Койпере и его смерти с людьми искусства или даже с детективом, если детектив, как прочие смертные, увлекается живописью. А с детективом, расследующим дело о смерти художника, Кейсер говорить не пожелал. Есть что скрывать? Вряд ли, тогда типограф просто не подошел бы к Манну. А если скрывать ему нечего, почему он поторопился уйти? Ответ вроде бы очевиден: боится, что каким-либо образом всплывет дело семилетней давности.

Да? Дело давно забыто, никто – ни полиция, ни страховая компания – семь лет о нем не напоминал. Художник умер своей смертью. С чего Кейсеру бояться расследования?

Втиснув машину между двумя грузовичками, каждый из которых казался более пригодным для перевозки игрушек, чем для чего-то более громоздкого, детектив поднялся по ступенькам к знакомой коричневой двери с медной табличкой: «Тиль Манн. Частные расследования». Никакая здравая мысль в голову не пришла – возможно, просто не успела, здравые мысли ужасно медлительны, – значит, придется войти и заняться текучкой, разбираться

в трех бракоразводных процессах, думать о которых Манну сейчас не хотелось, а Эльза, конечно, сразу подсунет ему на подпись платежные ведомости...

– Я поговорила с Далией, – сказала Эльза, как только Манн появился в дверях. – Вы знаете Далию Кадмон? Нет? Это секретарша Андреа Баклендера.

– Баклендер? Знакомая фамилия. Магазин «Рико» на Альбертграахт?

– Нет, тот Генрих, а не Андреа. Этот Баклендер – хозяин типографии, в которой печатают «Таг», «Вокс», самые популярные журналы и газеты в Голландии. Огромное производство...

– Не чета Кейсеровскому, – кивнул Манн. – Художественные альбомы он тоже выпускает?

– Художественные... Не знаю. Выяснить?

– Потом. Рассказывай дальше.

– Далия говорит, что ее хозяин на прошлой неделе обедал с Кейсером. Она сама передавала приглашение.

– Баклендера – Кейсеру?

– Нет, Кейсера – Баклендеру. Кейсер позвонил, просил соединить с хозяином, Далия, естественно, спросила, по какому вопросу, тот сказал, что есть очень выгодное дело, которое он хотел бы обсудить. Далия передала хозяину, тот сам говорить с Кейсером отказался, так они и договаривались – через Далию.

– Значит, она в курсе – где, когда...

– И даже более того: она записала все телефоны господина Кейсера, его домашний адрес...

– Это еще зачем?

– Вдруг телефоны будут отключены, а господин Баклендер захочет сообщить об отказе от встречи? Нужно предусмотреть все варианты.

– Похвально!

– И адрес типографии господина Кейсера, – закончила Эльза.

– Потрясающе, – с искренним восхищением сказал Манн. – Не знаю, что я бы делал без тебя и особенно – без твоих подруг.

– Вам принести кофе? – потупив взгляд, спросила Эльза.

– Принеси, – кивнул детектив. – И информацию по Койперу.

– Да вот она, – показала Эльза на лежавший сверху листок.

Проживал Кейсер в районе Стотервард – неплохое место, пруды, зеленые дорожки. В стороне от каналов, которые, возможно, вызывали у типографа неприятные ассоциации, ведь именно на берегу канала Кейзерсграахт находилась сгоревшая типография. А может, у Кейсера была другая причина для переезда.

Эта информация могла иметь важное значение, а могла и не иметь никакого. Новая типография располагалась, естественно, не в центре города, а на промышленной окраине, в Оостзане, и это обстоятельство тоже было, скорее всего, совершенно неважно.

Пустое дело. Решительно не за что зацепиться. Нужно позвонить Ритвелду и отказаться.

Манн знал, что не сделает этого.

Посидев минуту в раздумьи, он включил компьютер и вошел в интернет. Начнем с заказчика. Христиан Ритвелд, художник, что мы по нему имеем? Двести семьдесят шесть документов, двенадцать – каталоги выставок. Около сотни документов вообще к делу не относились – какой-то другой Ритвелд, не Христиан вовсе, а Хенрик, это можно пропустить. Отправившись по одной из оставшихся ссылок, Манн неожиданно попал на сайт Амстердамского университета. Факультет философии, список студентов. Ритвелд Христиан, поступил на заочное отделение в 1994 году, совсем недавно, и четырех лет не прошло, это уже

после истории с подменой картин, вот любопытно, неужели Ритвелд тогда впал в депрессию и решил с горя удариться в философские изыскания? Вряд ли, да и проучился он недолго, видимо, терпения не хватило, ушел с третьего курса, но успел получить первую степень.

Почему он ни словом не обмолвился о своей учебе? Посчитал зазорным или несущественным?

К черту. Просто я так и не представляю, с какого конца взяться за это нелепое расследование, – подумал Манн. Да, копиист умер после того, как побывал на выставке Ритвелда и увидел полотна, с которых делал копии семь лет назад. И что? Художник разглядел в смерти Койпера опасность для себя. Паранойя, беспричинный страх разоблачения. Глупости. Не естественнее ли было шантажисту начать с художника или типографа – ведь именно они слупили со страховой компании большие суммы, а не копиист. Может, шантажист об этом не знал и начал с Койпера, полагая, что получит с него больше, а когда убедился в обратном, то... Что? Убил?

Глупость. Шантажисты не убивают. Он просто поменял бы объект шантажа. И, ко всему прочему, что это за шантажист такой, который, начиная требовать деньги, не знает точно, в чем заключалась роль каждого из участников той давней аферы?

Вот, посидел, подумал – и стало ясно, что недоучившийся студент-философ и художник Христиан Ритвелд вовсе не для того позвал к себе частного детектива, чтобы найти мнимого убийцу Койпера. Никто Койпера не убивал, никакая опасность Ритвелду не угрожала.

Чего же он тогда хотел от расследования на самом деле? Просто так свои тайные шкафы не открывают – Ритвелд не мог не понимать, что частный детектив не имеет права скрывать от полиции правонарушения своих клиентов. Чаще всего все-таки скрывают, Манн тоже так поступал, когда правонарушения оказывались несущественными, но знание о них помогало расследованию – и что это были за расследования: муж думает, что жена ему изменяет, и нанимает детектива, чтобы тот проследил, куда она ездит по вечерам (да, изменяет – с лучшей подружкой, и что?), или двое не поделили нажитое вместе имущество, у жены подозрение, что муж купил дом и оформил на себя...

Но Ритвелд и Кейсер накрыли страховую компанию на внушительную сумму. Зачем художник рассказал об этом, если на самом деле не боялся шантажиста и не полагал, что Койпер был убит, а не умер своей смертью?

– Здравствуйте, старший инспектор... – сказал Манн, набрав номер и после серии долгих гудков услышав, наконец, недовольный голос. – Не буду вас задерживать. Результат экспертизы уже известен?

– О чем вы разговаривали с Кейсером в заведении Махмуда? – вопросом на вопрос ответил Мейден.

– От вас ничего не скроешь, – притворно вздохнул Манн. – О Койпере, конечно. Кейсер уверен, что художник не покончил с собой. Не тот тип. Но и убийства быть не могло – нет мотива. Похоже, ваш врач прав – бедняга умер от инфаркта, и не нужно усложнять простое дело.

– Мотив действительно не просматривается, – медленно проговорил Мейден, обдумывая услышанное. – Но, тем не менее, теоретически это могло быть и убийством.

– Как? – поразился Манн. Он уже успел свыкнуться с мыслью о том, что расследовать ему придется не смерть Койпера, а странное поведение Ритвелда. – Майор при мне утверждал...

– Вскрытие показало довольно специфическую картину. Не стану зачитывать вам заключение, там слишком много терминов. Безусловно, обширный инфаркт, Койпера не спасли бы, даже если бы «скорая» примчалась через минуту после начала приступа.

– Тогда в чем же...

– Есть детали, не характерные для инфаркта... где это?.. Вот: «Разрыв задней стенки левого желудочка по»... Слишком длинное предложение, дорогой Тиль, а смысл в том, что при обычных инфарктах картина несколько иная. С другой стороны, химический анализ крови не показал наличия яда, вызывающего признаки сердечной недостаточности. Однако, детальная экспертиза сложна и длительна, заказать ее я могу лишь при наличии ясного мотива преступления, а в данном случае...

Мейден замолчал – может, просто положил трубку.

– Так каков же окончательный вывод? – спросил Манн. – Это могло быть убийством?

– Сомнения Шанде понятны – картина не типична, – сказал Мейден. – Но мало ли в медицине нетипичных случаев? Я еще подумаю – если найду мотив... Или если мотив найдете вы...

– Я понял, – сказал Манн. – Полиция не возражает, если я продолжу расследование?

– Скорее всего, здесь нет уголовного преступления, и, следовательно, ваша лицензия, дорогой Тиль, позволяет... Но я бы хотел быть в курсе, вы понимаете?

– Разумеется, – сказал Манн и отключил связь, забыв попрощаться.

Значит, Ритвелд прав. Это могло быть убийством. Нельзя исключить яд. Смерть наступила ночью – значит, отравка должна была попасть в организм не раньше примерно девятидесяти часов вечера. Нужно выяснить, где в это время был художник, с кем виделся. Возможно, ужинал в компании. В какой? Может, находился дома и к нему приходил гость. Кто?

И нужно найти мотив. Почему Койпера убили – если это все-таки было убийство? Связано ли это преступление с событиями семилетней давности?

Койпер умер в ночь после посещения вернисажа Ритвелда. Посмотрел картины. Возможно, сделал какие-то выводы. И умер. Увидеть картины – и умереть. У каждого свой Париж.

После этого не значит – вследствие этого.

Манн обнаружил, что давно уже не сидит за столом, а меряет шагами комнату из угла в угол, делая остановки у окна и глядя на проплывавшие внизу по каналу лодки и катера. На одном из катеров веселая компания жарила на палубе мясо на вертеле и, похоже, распевала громкие песни. Двойные рамы не пропускали звуки, но все равно Манну так и слышалось разудалое: «Возьми меня и понеси в чертоги царские»...

Возможно, нет никакой связи между гибелью копий в пожаре семь лет назад и смертью копииста после того, как публике были показаны сохранившиеся подлинники. Но в качестве рабочей версии нужно все-таки принять наличие такой связи, иначе просто не за что зацепиться. Положим, что связь есть.

Версия о шантажисте никуда не годится. Шантажист взялся бы за Ритвелда или Кейсера. И не пошел бы на убийство.

А если шантажистом был Койпер? Увидел картины, понял, что... Не нужно было ему ничего понимать – он знал, что сгорели нарисованные им копии. Если хотел шантажировать (и ведь мог), то сделал бы это сразу, по горячим следам. Неужели картины произвели на него такое впечатление, что он не выдержал... Может, именно сейчас ему понадобились деньги?

Не стыкуется. Получается, что убийца – Ритвелд. Не захотел платить (хотя было чем), не стал ждать развития событий. Убил, чтобы не мучить ни себя, ни шантажиста. Милосердно. И глупо. Почему, убив, вызвал частного детектива и поручил расследовать то, о чем прекрасно знал?

Бывают, конечно, случаи (Манн читал о таком в детективных романах, но ни разу не сталкивался в жизни), когда преступник, желая отвести от себя подозрения, сам обращается в полицию или нанимает детектива, надеясь направить его по ложному следу. Но от этого веет такой густой литературщиной, что... Может, Ритвелд на то и рассчитывает?

Что бы ни думал художник на самом деле, он – один из тех, кому выгодна была смерть копииста.

Выгодна? За семь лет Койпер ни словом не обмолвился об афере, шантажировать Ритвелда не пытался – если, конечно, верить художнику. Зачем было Ритвелду убивать?

Что сказал копиист во время недавнего вернисажа? По словам Ритвелда, всего три слова: «Они стали лучше». А на самом деле? Может, увидев картины, о которых успел забыть, Койпер решил, что напрасно в свое время промолчал и позволил обойти себя – мог ведь затребовать свою долю у аферистов, наверняка именно этим словом он называл своих бывших приятелей. Может, не три слова сказал он Ритвелду, а шесть: «Заплати, иначе все станет известно прессе»?

Художник испугался скандала и убил.

А потом испугался полиции и пригласил частного детектива? Чтобы тот его же и вывел на чистую воду, а, выведя, сдал той же полиции?

Глупо, нелепо, странно.

И бессмысленно ходить по кабинету из угла в угол – если бы хоть одна разумная мысль могла прийти в голову на основании этих противоречивых сведений, она уже давно пришла бы.

Манн вышел в приемную – Эльзы не было за столиком, компьютер она выключила перед уходом и все аккуратно прибрала. Сколько времени он так расхаживал? Три четверти часа – неплохо, прошел, значит, около четырех километров. В день для сохранения здоровья медики советуют проходить километров десять. Значит, у него есть в запасе еще километров шесть. До Кайзерсграахт вдвое меньшее расстояние. Но надо сначала договориться, а он не знает номера, и где искать его в Эльзином компьютере?

Манн набрал номер на мобильнике, и Эльза ответила, как ему показалось, даже прежде, чем он нажал на кнопку подключения.

– Шеф! – воскликнула она. – Я вам понадобилась!

Это был не вопрос, а утверждение, с которым Манн был не полностью согласен, но оспаривать не стал, а сказал лишь:

– Среди твоих подруг есть госпожа ван дер Мей, художественный критик.

Это тоже был не вопрос, а утверждение, потому Эльза и отвечать не стала, молча ждала продолжения.

– Ты не помнишь наизусть номер ее телефона?

– Непременно наизусть? – удивилась Эльза. – Или можно посмотреть в записную книжку?

– Посмотри, пожалуйста.

– А зачем вам Кристина? – с неожиданным любопытством поинтересовалась Эльза. Странно, – подумал Манн, – она обычно не задает лишних вопросов, или в свободное от работы время секретарша может вести себя как обычная любопытная женщина?

– По делу, – коротко ответил Манн.

– Ну, если по делу, – Манн услышал в голосе Эльзы очевидный вздох облегчения, – тогда я передам ей телефон, хорошо?

– Так она...

– Точнее, я. Мы тут в одной компании...

– Герр Манн? – услышал детектив после секундной паузы. – Рада с вами познакомиться. Вы хотели что-то спросить?

– Кристина... Можно мне вас так называть?

– Конечно! А я вас – Тиль.

– Хотелось бы поговорить, но не по телефону.

– Назначаете свидание?

– Именно. По очень важному делу.

– Свидание по делу – очень пикантно. Давайте в кафе «Сабатино» через... скажем, полчаса. Годится?

Пешком до «Сабатино» быстрым шагом – минут сорок. Придется заняться спортивной ходьбой. Или полдороги бежать. Или поехать на машине, что проще всего.

– Годится, – сказал Манн.

Он отправился на велосипеде.

* * *

Увидев Эльзу рядом с Кристиной ван дер Мей, высокой, подтянутой, одетой в прекрасный брючный костюм цвета морской волны, Манн позволил себе чуть приподнять брови, но этого оказалось достаточно.

– Шеф, – сказала Эльза, когда Кристина села напротив Манна, пожав ему руку и небрежно бросив на стол голубые перчатки, – если вы предпочитаете беседовать с глазу на глаз, я уйду. Но поскольку вы сказали, что разговор сугубо деловой, я думала...

– Садись, – сказал Манн, – и включи свое записывающее устройство. Магнитофончик, – обратился он к Кристине, – находитесь у Эльзы в голове.

– Я знаю, какая у Эльзы прекрасная память, – улыбнулась Кристина. – По дороге она рассказала мне вашу биографию, так что мне известно, что родились вы 12 марта 1964 года в Мервенштате, отец ваш был краснодеревщиком, а мама...

– Стоп! – поднял руки Манн. – О себе я знаю все, честное слово. И даже больше того, что знает обо мне Эльза. Что будете пить, девушки?

– Сладкое «божоле», – сказала Кристина.

– Немного виски с содовой, – решила Эльза.

– А я буду пива. «Хейнекен» годится, – сказал Манн подошедшему официанту.

– Криста, вы знакомы с творчеством Христиана Ритвелда? – обратился он к девушке после пятиминутного, пустого, как стоявшая на столе цветочная ваза, разговора о погоде, ремонте трамвайных путей на Дамраке и повышении цен на железных дорогах. – Вы были недавно на его вернисаже?

– И даже написала об этом заметку в «Телеграф», – кивнула Кристина. – Ее пока не опубликовали, редактор решил, что статья слишком злобная.

– Вам не понравилось?

– Видите ли, Тиль, картины, если смотреть на них впервые, конечно, замечательные. Манера не современная, тонкий мазок, тщательно выписанная деталь, сейчас это выглядит старомодно. Попытка соединить экспрессионизм с классической формой. Впечатляет. Особенно пейзаж на фоне... Вы видели эти картины?

– Да, – кивнул Манн.

– Помните ту, где гроза? Она называется "Грозовой закат". Очень сильно, так и слышишь отдаленные раскаты грома.

– Но вы говорите, что вам не понравилось.

– Потому что я видела оригиналы, когда Ритвелд выставлял их семь лет назад перед тем, как отдать в типографию. Вы помните ту историю? Все сгорело, от картин остался пепел... Как пепел Клааса, он стучал в сердце Ритвелда и заставил художника семь лет спустя повторить по памяти то, что было результатом вдохновения. Но понимаете... За эти годы он изменился, изменились его представления о жизни, другой стала техника. Он, конечно, старался подражать самому себе, но когда подражаешь, это заметно с первого взгляда. То, что было написано с вдохновением, легко отличишь от копии, даже если копию делал сам автор. Нет, Тиль, уверяю вас, это ужасно, на это просто невозможно смотреть!

– Ну... Так уж и невозможно. Я видел картины, они мне очень понравились. Честно говоря, я до сих пор под впечатлением.

– Потому что вы не видели оригиналы! Потому что планка оценки у вас занижена на порядок! Потому, черт возьми, что вы ничего в живописи не понимаете!

– Спасибо за комплимент, – улыбнулся Манн. – Впрочем, сам напросился.

– Кристина не хотела вас обидеть, Тиль, – вступилась за подругу Эльза.

– Я не обиделся! Но послушайте, Криста, неужели вы так хорошо помните картины семилетней давности? Вам же тогда было...

– Двадцать пять, – резко сказала Кристина, – и профессионалом я была уже в те годы, если вы это имеете в виду.

– Я не хотел вас обидеть, Кристина.

– Взаимно, Тиль. У меня, конечно, не фотографическая память, и я не могу описать в деталях, чем нынешний «Грозовой закат» отличается от прежнего. Но я помню впечатление: тот закат потрясал, этот оставил меня равнодушной. Я не помню каждой детали, но хорошо запомнила цветовую гамму. Там были сотни оттенков, здесь не больше полутора десятков. Там солнце выглядело грозным богом, способным убить своими лучами. Здесь – рыжее пятно между тучей и горизонтом. Если бы я впервые видела эти картины, Тиль, я бы, возможно, написала что-нибудь благожелательное вроде «Новые пейзажи господина Ритвелда успокаивают взгляд, но заставляют задуматься о несоответствии его художественной манеры современному темпу жизни цивилизованного человека». А я видела те картины, и потому статья получилась злой. Редактор сказал – злобной. И отказался поставить материал в сегодняшний номер.

– Почему? – поднял брови Ритвелд. – Злобная – это хорошо. Скандал. Тираж растет.

– Макс считает свою газету высокоинтеллектуальной, знаете ли. При слове «желтизна» он желтеет сам и становится похож на китайца. А когда слышит о скандале, переходит с голландского на французский – для него это высшая степень неодобрения.

– Понятно, – протянул Манн. – А в другие издания вы не пробовали?..

– Тиль, – сказала Кристина, достав из сумочки сигарету. Манн протянул зажигалку, и на краткое мгновение глаза их оказались так близки, что ему пришлось задержать дыхание – что-то будто перетекло в него из этих карих, обычных, ничем вроде бы не примечательных глаз, маленьких даже, хотя и не раскосых. Видимо, что-то подобное ощутила и Кристина, что-то из подсознания Манна перетекло и к ней – во всяком случае, быстро прикурив, она отодвинулась подальше от стула, на котором сидел детектив, и какое-то время молча курила, прикрыв глаза, будто наслаждаясь дымом сигареты. Эльза, почувствовав, должно быть, возникшее напряжение, переводила взгляд с шефа на подругу.

– Тиль, – повторила наконец Кристина, – я пишу в "Телеграф" уже десять лет. Как бы вы отнеслись... Ну, скажем, если бы узнали, что Эльза работает не только на вас, но и на конкурентов.

– Я бы ее уволил, – улыбнулся Манн и положил ладонь на руку Эльзы.

– Значит, вы должны меня понять. А статью, конечно, жалко. Хотите, я дам ее вам почитать?

– Давайте, – обрадовано произнес Манн. – Эльза сообщит вам адрес моей электронной почты...

– Я его уже взяла, – сказала Кристина. – Пожалуй, я закажу теперь чашечку кофе.

Пока официант не принес кофе – не только для Кристины, Манн заказал и себе, а Эльза попросила капучино, – разговор вертелся вокруг вчерашних событий в Слотерваарт, где подрались две группы подростков: местные и турки. Кристина с неожиданной экспрессией доказывала, что турки, арабы и прочие выходцы из стран Азии и Магриба изменяют этнический и культурный облик страны, а это плохо, это влияет на историю самым отрицатель-

ным образом, и история отомстит, да вот уже и начинается, видите, что творится на улицах, а Манн, сдерживая собственные эмоции, пытался убедить собеседницу в том, что невозможно и нельзя в наше время ограничить свободу передвижения и возможность для каждого человека жить там, где ему лучше, и если какой-нибудь дикарь из африканского племени бушменов попросит в Нидерландах убежища, работы и жилье, правительство обязано изучить эту просьбу самым детальным образом.

– Детальным – да! – воскликнула Кристина. – Изучить и отказать! С самой убедительной аргументацией.

– Ну, за аргументацией дело не станет, – пробормотал Манн и перевел разговор на интересовавшую его тему. – Скажите, Кристина, на вернисаже Ритвелда было много народа? Я имею в виду, выставка пользовалась успехом?

– Да, – кивнула Кристина. – Я понимаю, на что вы намекаете. Успех – конечно. Ритвелд все продумал: картины были выставлены всего на семь часов – с десяти утра до пяти вечера. Кто не успел, тот проиграл. Естественно, была толчея. Видела я там и арабов, и турок, и негров – по-моему из тех, кто выставляет себя напоказ на Кортинезер и Моникестраат.

– Негритянок, вы имеете в виду?

– Негров, – презрительно поправила Кристина. – Мужчины. Терпеть не могу, когда... Извините.

– Да я с вами совершенно согласен, – сказал Манн. – А Койпер... Тот, что умер вчера. Его вы видели на выставке?

– Нет. Я ведь не толкалась там с утра до закрытия.

– Жаль, – искренне сказал Манн. Кристина была бы хорошим свидетелем – с ее острым, все запоминающим взглядом. Не судьба. – А не знаете ли вы, почему выставка продолжалась только один день? Это ведь нетипично...

– Бывает по всякому. Бердаль, к примеру, в прошлом году ограничил показ своей графики тремя часами. Знаете, какой был ажиотаж? За три часа галерею посетило больше народа, чем если бы рисунки висели месяц. Во всем есть свой смысл и расчет. Уверена, у Ритвелда тоже. Толпа, во всяком случае, была изрядная.

– Кто-нибудь еще собирается писать об этой выставке?

– Понятия не имею, – отмахнулась Кристина. – Видела коллег из других изданий, но, естественно, не спрашивала, будут ли они излагать свои впечатления на бумаге.

– А какие были у них впечатления?

– Такие же, как у меня – копии, даже если их делает сам автор, и тем более, если делает по памяти, всегда слабее оригиналов.

– Ну да, – пробормотал Манн, – солнце не злое, а облака жидкие...

– Как кисель, – подтвердила Кристина и, подняв на миг взгляд к потолку, неожиданно сказала: – А если вас интересует мнение Койпера, то могу сказать: он был потрясен. Правда, не знаю чем.

– Откуда вы знаете? – быстро спросил Манн. – Вы же не видели его...

– На вернисаже – нет. Но вчера я была у друга, говорили о разных вещах, естественно, и о выставке Ротвелда, и о смерти Койпера. «Знаешь, – сказал мне друг, – единственный человек, которого потрясла эта мазня, был Койпер. Он смотрел на картины так, будто на них нарисован дьявол во плоти. У него даже челюсть отвисла – фигурально, конечно, выражаясь».

– И ваш друг, – сказал Манн, – не поинтересовался...

– Нет, – отрезала Кристина. – Койпера он вообще недолюбливает. Конечно, он не стал...

– Жаль, – сказал Манн.

– А почему вас так интересует Койпер? – задала Кристина вопрос, мучивший ее, видимо, с самого начала разговора. – Он-то какое отношение имеет к Ритвелду?

– Собираю факты, – объяснил Манн. – Моя профессия: собирать факты.

– Это не ответ, – разочарованно сказала Кристина. – Не люблю, когда темнят, приходится сочинять самой, а если речь идет не о живописи, ошибаюсь я гораздо чаще, чем хотелось бы.

– Не забивайте себе голову пустяками, – добродушно сказал Манн. – Но если вдруг вспомните что-то любопытное, связанное с Койпером... Деталь какую-нибудь, разговор, сплетню... Звоните мне, хорошо? Вот моя карточка.

* * *

Ритвелд снял трубку после шестого звонка, когда Манн уже придумывал, какое сообщение оставить на автоответчике.

– Не похоже, – сказал Манн, – что это было убийство. Во всяком случае, полиция уверена в обратном.

– Да? – вяло удивился Ритвелд и, помолчав, добавил: – Но ведь не обязательно полиция бывает права, верно? Надеюсь, вы продолжите? Мы договорились...

– Полиция наверняка провела нужные допросы, прежде чем прекратить расследование.

– Старший инспектор Мейден и меня расспрашивал, – сказал Ритвелд. – Где я был позавчера с восьми вечера до полуночи.

– Что вы ему ответили?

– Я сказал, что в указанное время лежал в постели с женщиной, имени которой назвать не могу, потому что она жена очень известного в городе человека. Кстати, это чепуха.

– Скажите, пожалуйста, почему ваша выставка продолжалась только один день?

– Вы знаете, сколько стоит аренда галереи?

– Разве хозяин галереи берет с авторов, которых выставляет, деньги за аренду?

– Конечно, это не повсеместная практика. Но если никто из галеристов не хочет рисковать собственными деньгами, художнику иногда приходится...

У него достаточно средств, чтобы арендовать зал на неделю или даже на месяц, – подумал Манн. Что-то здесь другое...

– Вас очень огорчило общее мнение о картинах?

– Вы имеете в виду – настолько, что я решил отыграться на Альберте и убил его, чтобы никто никогда не узнал правды?

– Не надо на меня обижаться, Христиан, – примирительно сказал Манн.

– Вы так и не поверили, что мне угрожает опасность, – горько проговорил Ритвелд. – Вы так в это и не поверили.

Он положил трубку, не дождавшись ответной реплики Манна.

* * *

На парадной двери висели три таблички: «Доктор Якоб Швейцер, адвокат, первый этаж», «Хельга и Макс Веенгартен, второй этаж» и «Альберт Койпер, художник, третий этаж». Полицейского у входа не было – значит, Мейден уже получил заключение Шанде. Понятно – какое.

Небольшой трехэтажный дом, наверняка с узкой лестницей, консьержки нет, нужно звонить – у каждой таблички кнопка. Если позавчерашним вечером кто-то приходил к Кой-

перу, впустил гостя сам художник – либо у них была назначена встреча, либо приходил знакомый (или знакомая).

Манн позвонил доктору Якобу Швейцеру, адвокату.

– Да, – услышал он шелестящий неузнаваемый голос из чашечки интеркома. – Назовите себя, пожалуйста.

– Тиль Манн, частный детектив. Хочу поговорить с господином Швейцером об Альберте Койпере, проживавшем на третьем этаже.

Пробурчав что-то непонятное, голос чуть более внятно сказал «Опять эти»... после чего запор щелкнул, и Манн быстрым движением потянул на себя тяжелую дверь.

Когда он вошел, в темном холле сам собой вспыхнул свет – это было небольшое квадратное помещение, покрашенное светлозеленой краской, широкая лестница вела на второй этаж, рядом располагался лифт («Хорошо живут, – подумал Манн, – лифт в трехэтажном доме»), слева высокое окно – стекла тонированные, и каким был двор у этого дома, детективу увидеть не удалось. А справа располагалась единственная дверь, распахнувшаяся, как только Манн к ней приблизился. В проеме возникла девушка, при виде которой у детектива подпрыгнуло сердце. Это была Русалка с Копенгагенской набережной, только одетая в легкое платье с глубоким декольте, короткое, не скрывававшее коленок, подчеркивавшее легкость девичьей фигурки.

Должно быть, восторг оказался написан у Манна на лице, и похоже, к подобным проявлениям интереса со стороны мужчин русалка успела привыкнуть – девушка помедлила несколько секунд, позволив полюбоваться собой, отступила в сторону и произнесла скрипучим низким голосом, настолько не гармонизировавшим с идеальной внешностью, что Манну показалось, будто его ударили кулаком по переносице:

– Входите. Сюда, в кабинет. Отец сейчас к вам выйдет.

Дочь адвоката. Нужно сказать комплимент. Она этого ждет. Какие красивые голубые глаза. Банально. Ножки? Фигура? Ей об этом тысячу раз говорили клиенты отца и ее собственные поклонники.

– Вам еще никто не пробовал отпилить голову? – спросил Манн.

Вопрос оказался неожиданным для него самого, а девушка застыла на месте, не зная как реагировать – смехом или выражением ужаса.

– Я имею в виду, – пояснил Манн, – вы так похожи на русалку, а на нее постоянно кто-нибудь...

– А! – проскрипела девушка. – Понятно. Проходите.

Впустив детектива в кабинет, она закрыла за ним дверь, и на минуту Манн остался один. Почему-то ему показалось, что ждать придется долго, причем без толку, поскольку господин Швейцер не сможет дать никакой полезной для дела информации, и, если он не появится через десять минут, нужно просто уйти и...

– Садитесь, молодой человек, – произнес за спиной Манна низкий баритон, – я вас внимательно слушаю.

Манн обернулся – адвокат вошел из соседней комнаты через дверь, на которую детектив не обратил внимания. Плохо, – подумал Манн, – эта девица вывела меня из равновесия.

Швейцер оказался плотным мужчиной среднего роста, среднего возраста и средней внешности. Даже волосы, казалось, имели усредненный цвет – не темные и не светлые.

– Будете пить? – спросил адвокат. – Виски? Вино? Пиво?

– Нет, спасибо, – отказался Манн. – Собственно, я хотел задать вам пару вопросов...

– О Койпере, – кивнул Швейцер, усевшись за свой рабочий стол и кивком показав Манну, что ему следует сесть в стоявшее напротив стола кресло. – Ваше имя мне известно, хотя в сталкиваться с вами в суде мне не приходилось. И чтобы не терять времени – дорого и мое, и ваше – я дам вам ответы сразу на все вопросы, которые вы собираетесь мне задать.

Надеюсь, дополнительных вопросов не возникнет, и мы с вами расстанемся к взаимному удовлетворению.

Манн и рта не раскрыл.

– Итак, мой сосед Альберт Койпер, – продолжал адвокат, будто заранее готовился произнести эту речь. – Человек нелюдимый, жил здесь шесть лет, мастерская у него там же, на третьем, он и квартиру эту снял потому, что была возможность совмещения жилого помещения и художественной студии. Гостей к себе водил, но не часто, я в кабинете сижу по вечерам, слышно, кто звонит в дверь и куда потом поднимается. Позавчера мы с женой и дочерью – она вам открыла – были в гостях, вернулись в половине одиннадцатого. Женщины ушли в свои комнаты, а я до полуночи работал. Около одиннадцати вернулись Хельга с Максом, они живут этажом выше. Я слышал, как они перемещались по квартире, а потом стало тихо. Койпер, видимо, был у себя – во всяком случае, я не слышал, чтобы он входил в дом и поднимался по лестнице. Лифтом, кстати, он пользовался только если нужно было поднять на третий этаж какую-нибудь тяжесть – раму, например, или мольберт. В полночь я ушел спать. Если кто-то приходил к Альберту или выходил позже, я не могу об этом свидетельствовать. Утром, в восемь, как обычно, пришла фрекен Бассо, она убирает у Койпера и Веенгарте-нов, поднялась на третий этаж и обнаружила тело. Я еще спал, так что крика не слышал – проснулся от звука сирены. Надеюсь, я ответил на все ваши вопросы, господин Манн, вряд ли могу быть вам полезен еще чем-нибудь.

Адвокат встал, давая понять, что аудиенция закончена. Манн тоже поднялся, соображая, что еще спросить у уважаемого юриста, столь детально ответившего на не заданные вопросы.

– Господин Койпер когда-нибудь обращался к вам за консультацией? – спросил детектив.

– Никогда.

– У него был свой адвокат?

– Не думаю. Мне было бы об этом известно.

– Знакомы ли вам имена Ритвелда, художника, и Кейсера, владельца типографии?

– Ритвелд – да, это известное имя, я как-то видел его картины на вернисаже. Фамилию Кейсера слышу впервые.

– Кто-нибудь из них бывал у Койпера?

– Молодой человек, – с легким налетом раздражения сказал адвокат, – если бы мне было это известно, я сказал бы об этом, отвечая на первый вопрос.

– Спасибо, – пробормотал Манн и направился к двери. Почему, – думал он, – у отца такой приятный голос при абсолютно невзрачной внешности, а у дочери удивительная внешность и скрипучий голос, убивающий всякое очарование?

* * *

Хельга и Макс Веенгартен. Манн позвонил, и дверь мгновенно открылась, будто звонок не сообщал хозяевам о приходе посетителя, а служил ключом, чем-то вроде пресловутого «сим-сима». За дверью была пустая прихожая – коридорчик, заканчивавшийся другой дверью, закрытой, и еще была дверь справа, а вдоль стены располагалась длинная вешалка, на которой висела одежда для всех сезонов: два теплых куртки (зеленая и светло-бежевая), несколько дождевиков, мужских и женских, и летние майки, причем одна, с изображением гнусной улыбки Майкла Джексона, нарочито выставила себя напоказ, будто хозяева хотели сказать вошедшим гостям: «Мы вам рады, видите, как мы, глядя на вас, улыбаемся?» Если улыбка соответствовала мироощущению Хельги или Макса... Или обоих...

– Что же вы стоите? Входите! – услышал Манн женский голос, шедший с потолка, и разглядел над своей головой маленький динамик рядом с миниатюрной телекамерой. Он переступил порог и остановился, ожидая появления хозяев.

– Ну что же? – с возрастающим нетерпением повторил тот же голос. – Дверь перед вами. Обувь снимать не надо.

Манн пересек коридорчик, толкнул оказавшуюся не запертой дверь и оказался в огромной гостиной с высокими окнами, выходившими во двор и на улицу. Комната была уставлена большими и маленькими цветочными горшками, и первым впечатлением Манна было ощущение, будто он попал в оранжерею. Цветы были разными, Манн признал только маргаритки, заполнившие длинную кювету на подоконнике, остальные растения он определить не мог, в ботанике детектив считал себя полным профаном: если ему нужно было выяснить, чем отличаются друг от друга гиацинт и глициния, он доставал с полки энциклопедию или искал нужную информацию в интернете.

Под потолком горела пятирожковая люстра в классическом стиле, под люстрой стоял большой круглый стол (без цветов, – отметил Манн), по обе стороны стола сидели и смотрели на него Хельга и Макс Веенгартены, и Манн со смущением понял, почему в прихожей его встретил глаз телекамеры, а не кто-то из хозяев. Оба сидели в инвалидных колясках, было им лет по пятидесяти или чуть больше, у мужчины, похоже, была парализована левая сторона тела, а у женщины что-то с ногами – скорее всего, последствия детского церебрального паралича.

«Черт, – подумал Манн, – адвокат мог хотя бы намекнуть»... О чем? Швейцер наверняка был уверен в том, что детектив, придя в дом, навел справки о соседях Койпера.

– Простите, что я без предупреждения... – пробормотал Манн.

– Почему без предупреждения? – добродушно сказал Макс Веенгартен. – Швейцер нам только что звонил, сказал, что к нему приходил частный сыщик, и сейчас он, то есть вы, поднимется к нам. Что-то вы долго поднимались, мы с Хельгой уже заждались, верно, Хельга?

Женщина кивнула:

– Садитесь, господин Манн, – сказала она. – То есть, сначала возьмите себе выпить – вон в том секретере, поднимите крышку, там есть все, что нужно, а потом садитесь в это кресло, оно самое удобное, вы будете видеть нас, мы – вас.

Наливать себе Манн не стал, опустил в кресло, откуда действительно мог следить за каждым движением хозяев. Все было в комнате устроено очень удобно – много горшков, но располагались они так, что по образовавшимся аллеям легко можно было проехать в коляске, и к бару можно было тоже не только подъехать, но и открыть его, не вставая, все ручки, рукоятки, кнопки и клавиши – телевизора в одном из углов, компьютера в другом, – находились на таком уровне, чтобы было удобно пользоваться, сидя в коляске.

– Наверняка к вам приходила полиция, – сказал Манн. – На мои вопросы вы можете не отвечать, я лицо не официальное...

– Почему не отвечать? – с легкой обидой в голосе произнес Макс. – Мы с удовольствием...

– Мы с удовольствием, – повторила Хельга.

– Позавчера вечером вы поздно вернулись домой?

– Мы были в опере, – кивнул Макс. – Слушали «Похищение из сераля», вернулись около одиннадцати. Ужасный спектакль. Мы очень любим Моцарта, но не в такой современной интерпретации, когда Констанца в купальнике бросается в бассейн, а Селим гоняется за ней в плавках... Это слишком, вы не находите?

– М-да... – протянул Манн. Для него слишком было посещение оперного театра, какие бы представления – современные или классические – там ни давали. Когда-то, лет ему было

то ли шесть, то ли семь, родители повели его на «Воццека», и впечатление жуткой смеси неприятных звуков и вспышек пугающего света оказалось таким непреодолимым, что Манн ни разу после этого не входил в двери Национальной оперы. По телевизору он иногда смотрел отрывки из «Травиаты» или «Фауста» и даже получал удовольствие от пения Доминго или Каррераса (Паваротти был ему неприятен – толстый, потливый, такой же неэстетичный, как музыка «Воццека»), но заставить себя отправиться в театр не мог и не стремился.

– Спать мы легли в половине первого, – сказал Макс.

– Вообще-то, – добавила Хельга, – мы ложимся раньше, но в тот вечер еще посмотрели телевизор.

– Да, – кивнул Макс. – Так что если вас интересует интервал времени от одиннадцати до половины первого...

– Вы что-нибудь слышали в этот интервал времени? – Манн невольно перешел на стиль Веенгартенов. – Я имею в виду: кто-нибудь поднимался или спускался по лестнице или в лифте, кто-то ходил наверху, в квартире Койпера, какие-то другие звуки...

– Вот именно – другие звуки, – подхватил Макс. – Никто не поднимался и не спускался, но в тот вечер мы не прислушивались, да и телевизор играл довольно громко.

– И тем не менее, – сказал Манн, – какие-то звуки сверху вы слышали?

– Да, – Макс переглянулся с Хельгой и добавил: – Будто кто-то перетаскивал шкаф.

– Шкаф, – повторила Хельга и добавила: – Или что-то тяжелое и совсем не мягкое.

– Не мягкое? – уточнил Манн.

– Это не могло быть телом человека, например, – объяснил Макс. – Когда тащат тело, звук глухой, а это был такой... я бы сказал, деревянный, со стуком.

– Что-нибудь еще? – спросил Манн.

– Что-нибудь еще, – задумчиво повторила Хельга и добавила: – Да. В том смысле, что никто из квартиры Альберта не выходил. Я имею в виду всю ночь, а не только период времени с одиннадцати до половины первого.

– Как вы можете быть в этом уверены? – удивился Манн. – Вы сами говорите, что спали.

– Хельга спит очень чутко, – вместо жены объяснил Макс. – Просыпается от любого шума. Я-то сплю без задних ног, а чаще и без передних, если вы понимаете, хе-хе, что я имею в виду. У Альберта очень гулкая дверь. Она не скрипит, но захлопывается с таким шумом... Не пушечный выстрел, конечно...

– Но я всегда просыпаюсь, когда от соседа уходят гости, – вмешалась Хельга. – А это бывает довольно часто...

– Бывало, – поправил Манн.

– Что? Да, вы правы. Никак не привыкну, что о бедном Альберте нужно говорить в прошедшем времени. Позавчера дверь ни разу не открывали – до утра, пока не пришла уборщица.

– Разве нельзя открыть и закрыть дверь так осторожно, что...

– Невозможно! Даже если придерживаешь рукой – я не пробовала, но Альберт мне говорил, когда я ему жаловалась на стук, – все равно в последний момент...

– Понятно, – пробормотал Манн. – Никто к господину Койперу не приходил и никто не уходил, начиная с одиннадцати.

– Точно, – в унисон сказали Хельга и Макс.

– И господин Койпер, будучи в одиночестве, зачем-то передвигал по квартире тяжелый шкаф.

– Именно, – сказал Макс. – Странно, верно?

– Это было...

– Минут двадцать первого. Это точно, потому что вскоре мы выключили телевизор...

– Скажите, а это мог быть не шкаф, а, скажем, тяжелый мольберт? Ведь господин Койпер был художником, мастерская его находится в квартире...

– Мольберт? – Макс надолго задумался, будто сравнивая возникавшие в памяти звуки. – Пожалуй. Но не обычный мольберт, а большой, есть у Альберта такой, но зачем его двигать ночью? То есть, я хочу сказать, что по ночам Альберт никогда не работал. Он говорил мне, что после шести вечера не способен держать кисть. Просто все из рук валится. По утрам – другое дело. Рука, как говорится, тверда...

– К господину Койперу часто приходили гости?

– Каждый вечер, – сказала Хельга. – Он любит... любил поболтать за бокалом вина, но не позже десяти часов. Он жаворонок, ложится... ложился рано.

– Но иногда, – напомнил Манн, – вы все-таки просыпались по ночам от того, что наверху хлопала дверь?

– Очень редко. Поэтому я и не настаивала на том, чтобы Альберт что-то со своей дверью сделал, чтобы...

– Редко, но все-таки... Это были припозднившиеся гости, или господин Койпер выходил подышать свежим воздухом?

– Ни то, ни другое, – уверенно заявила Хельга. – Я бы услышала шаги на лестнице или лифт. Поздняя ночь, каждый звук... Нет, просто хлопала дверь – и все.

– Вам не казалось это странным?

– Нет... Я не задумывалась, честно говоря. Просыпалась от стука, несколько минут лежала, прислушиваясь, а потом опять засыпала.

– Наверно, – предположил Манн, – господин Койпер зачем-то выглядывал на лестничную площадку? Убедиться, что за дверью никого нет?

– Ну... – Хельга пожала плечами. – Это уже предположение, верно? А вы хотите, чтобы мы излагали факты? Предположения – ваша работа.

– Спасибо, – сказал Манн, вставая.

– Да пожалуйста, – улыбнулась Хельга, а Макс добавил:

– Будете уходить, господин сыщик, погасите, пожалуйста, свет в прихожей. Включается он автоматически, а выключаться почему-то не желает.

– Да, конечно. Всего вам хорошего, – Манн повернулся к хозяевам спиной, и в это время где-то наверху совершенно отчетливо что-то стукнуло.

– Дверь! – одновременно воскликнули Хельга и Макс.

* * *

Манн в несколько прыжков поднялся на три лестничных пролета, отделявших третий этаж от второго. Кто-то, возможно, вошел в квартиру Койпера, но выйти из нее не успел – Манн выбежал на лестничную площадку секунды через три после того, как стукнула дверь: никто не мог прошмыгнуть мимо него, а лифт стоял внизу.

Кто-то вошел в квартиру Койпера и сейчас находился там. Как некто вошел в дом? Кроме адвоката или его дочери, впустить посетителя было некому, и Манн оказался перед дилеммой: спуститься вниз и задать вопрос господину Швейцеру или стоять здесь, ожидая, что вошедший, в конце концов, выйдет и окажется перед необходимостью ответить на вопросы детектива?

А если, пока Манн будет бегать вниз и обратно, некто скроется так же таинственно, как появился?

– Интересно, – сказал Макс Веенгартен, – кто бы это мог быть?

Он выкатился на своей коляске к порогу квартиры и выглядывал из-за полуоткрытой двери. Места рядом для Хельги не осталось, но ей было любопытно, и ее недовольный голос Манн слышал из глубины прихожей.

– Меня это тоже интересует, – сказал детектив, перегнувшись через перила, чтобы видеть Веенгартена. – Вы не могли бы проследить, пока я спущусь вниз и спрошу господина адвоката, не впустил ли он кого-нибудь в дом?

– Конечно, – сказал Макс. – Боюсь только, что если нужно будет задержать...

– Надеюсь, до этого не дойдет, – бодро сказал Манн, спустившись с третьего этажа и помогая Максиму выкатить коляску на лестничную площадку. – Все равно ему не миновать парадной двери, верно? Или в доме есть другой выход?

– Есть, конечно, – сказал Макс. – Но он заперт и очень редко открывается, разве что когда нужно внести или вынести крупногабаритный предмет. И еще есть выход на чердак, вы не обратили внимание: люк в потолке открыт или заперт?

– Заперт, – вспомнил Манн. Он уже обратил внимание на этот люк – закрытый и с большим висячим замком. Добраться до него можно было, только встав на стремянку. Нет, этот путь исключается.

Оставив Макса и Хельгу (она выехала к мужу) сторожить неизвестно кого, Манн сбежал по лестнице и позвонил адвокату, ожидая еще раз увидеть его дочь. Дверь, однако, открыл сам господин Швейцер – он уже переделался на ночь, на нем была серая, в мелкую клеточку, пижама и тапочки на босу ногу.

– Вы еще здесь? – хмуро сказал Швейцер.

– Вы кого-нибудь впускали в дом три-четыре минуты назад? – спросил Манн.

– Нет, – буркнул адвокат. – Вы были последним, кто вошел. Все?

Манн не успел ответить – дверь перед его носом захлопнулась.

Парадная дверь была закрыта, Манн подергал ее для верности, войти можно было, либо зная код, либо имея ключ, либо позвонив по интеркому кому-нибудь из жильцов.

Он взбежал на второй этаж, где Макс с Хильдой загородили своими колясками проход, поднялся на третий и остановился в недоумении перед закрытой дверью квартиры Койпера. Что можно было предпринять в сложившихся обстоятельствах? Ломать замок? Если в квартире никого не окажется, Мейден снимет с Манна семь шкур и добьется, чтобы детектива лишили лицензии. А если там кто-то есть, ломать замок бессмысленно – когда-нибудь неизвестному придется выйти, и взять его можно здесь, на лестнице. Сколько, однако, времени придется провести перед запертой дверью?

И есть ли смысл? Что если квартира все-таки пуста?

– Ну что там? – крикнул снизу Макс, и Манн, перегнувшись через перила, подал ему знак не создавать шума. Он приложил к двери ухо, ничего не услышал и спустился к Веенгартенам.

– Вы говорите, из вашей квартиры слышно, когда у Койпера ходят? – спросил он.

– Если топают, то да, слышно, – кивнул Макс. – А если в тапочках, то нет, конечно. Альберт всегда надевал тапочки, а его гости, бывало, напоминали табун лошадей...

– Возвращайтесь, – распорядился Манн, – и слушайте. Если услышите что-нибудь подозрительное, дайте мне знать. Впрочем, если вы устали и хотите лечь...

– Нет-нет, – быстро сказала Хельга. – Конечно, мы вам поможем.

Потому что самих одолело любопытство, – подумал Манн.

– А я постою здесь, – сказал он. – Выйдет же он когда-нибудь.

– Он? – сказала Хельга. – А может, она?

Развернув коляску, Хельга скрылась в прихожей, прежде чем Манн успел задать вопрос.

– Ваша жена намекает на то, что Койпера посещали женщины? – спросил детектив у Макса.

– Посещали женщины, – повторил Макс. – Почему нет? Наверно. Извините. Если мы что-то услышим, то непременно дадим вам знать.

Он вкатил коляску в квартиру и закрыл дверь – почти бесшумно, в отличие от двери в квартиру Койпера.

Господи, – подумал Манн, – неужели придется торчать здесь до утра? Или всю оставшуюся жизнь? Вот глупая история.

Он сел на ступеньку и прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.

* * *

Час спустя Манн понял, что дремлет, оставаться не имело смысла, конечно, в квартире Койпера никого быть не может, кроме, разве что, привидений, которым, впрочем, тоже совершенно нечего делать в этом новом доме, где никто еще не умирал и...

Никто? А Койпер? Может, это его призрак вернулся и бродит сейчас по комнатам? Но призраки не открывают со стуком входные двери, призраки проходят сквозь стены.

Манн вскочил на ноги – ему показалось, что в квартире Койпера послышалось какое-то движение. Точно. Круглая ручка начала медленно поворачиваться, кто-то, стоявший с той стороны, старался не создавать шума.

Манн справился с первым желанием рвануть дверь на себя и оказаться лицом к лицу с пришельцем, призраком, грабителем, убийцей или кем бы то ни было, по какой-то причине находившимся в квартире Койпера почти полтора часа.

Он встал у стены рядом с дверью, чтобы сразу, как только...

– О Господи! – воскликнул Кейсер, выйдя на свет и встретив изумленный взгляд детектива. – Это... Что вы здесь делаете?

– Я? Позвольте спросить, что делали в квартире вы? И как вы попали в дом?

– Я? Но... – издатель был смущен, растерян, не знал, что сказать и готов был провалиться сквозь землю, исчезнуть, обратиться в пар. Он стоял, придерживая дверь плечом, чтобы она не захлопнулась, и Манн прошел мимо Кейсера в прихожую, такую же длинную и узкую, как у Веенгартенов этажом ниже. Он едва не задел издателя, а тот молча наблюдал, хмурился и, похоже, решал – то ли бежать, оставив детектива одного, то ли последовать за ним в квартиру и наверняка подвергнуться допросу с пристрастием.

– Входите же, – раздраженно бросил Манн. – Довольно глупо было... Не стойте, ради Бога, в дверях, все равно вам не удастся закрыть их без стука.

– Откуда вы...

– И не повторяйте одно и то же.

Кейсер наконец решил дилемму, отступил в прихожую, и дверь захлопнулась с грохотом, от которого зазвенели стоявшие на полочке фарфоровые статуэтки китайских болванчиков.

– Где тут можно поговорить? – спросил Манн. – Вы провели в квартире минимум час, наверняка успели все изучить. Кстати, вы не ответили на вопрос: как вы сюда попали? И что делали?

– Сюда, – сказал издатель и повел детектива в кухню, где на пластиковом столике стоял электрический кофейник, а висевшие на стенах полки с плотно закрытыми дверцами выглядели гораздо более старыми, чем дом.

– Я вам сейчас все объясню, – сказал Кейсер, когда Манн опустился в белое пластиковое кресло, какие можно за три гульдена купить в любом магазине кухонных принадлежно-

стей. Издатель остался стоять, прислонился к дверному косяку и сложил на груди руки, – а то вы Бог знает что можете обо мне подумать.

– Например, вы убили Койпера, но забыли в квартире что-то важное и явились сегодня, чтобы этот предмет найти. А ключ у вас был...

– Вы что? – оскорбился Кейсер. – Вы действительно так думаете?

– В полиции подумают именно так, можете быть уверены, – кивнул Манн.

– Полиция? При чем здесь полиция?

– Я с ней сотрудничаю, – объяснил Манн, – и обещал сообщать полученную мной информацию.

– И вы донесете...

– Послушайте, господин Кейсер, – наставительно произнес Манн. – Я – частный детектив. Вы можете не отвечать на мои вопросы, но все, вами сказанное и сделанное, обернется...

– Это я уже понял, – помрачнел издатель. – Глупо получилось. Я искал здесь одну бумагу... Полиция могла не обратить на нее внимание. К смерти Альберта она отношения не имеет. Ну, во всяком случае, с точки зрения... А на самом деле...

– Вы имеете в виду договор с Койпером об изготовлении копий с картин Ритвелда?

– Вы знаете? – поразился Кейсер. – Откуда? А, ну понятно... Христиан, больше некому. Он тоже засуетился...

– Ну, нашла бы полиция эту бумагу, – пожал плечами Манн. – И что? На какую мысль она могла навести старшего инспектора Мейдена?

– Семь лет – еще не срок давности! – воскликнул издатель. – Они бы поняли, что при том пожаре сгорели копии, а не оригиналы! Передали бы дело страховой компании. Скандал. Пришлось бы выплачивать крупную сумму. Очень крупную. Откуда у меня такие деньги? У Христиана тоже, кстати. Я не говорю о том, что в полиции... ну, этот инспектор... как его... Мейден... мог решить, что смерть Альберта как-то связана...

– А она не связана?

– Понятия не имею! Можно мне сесть?

Вопрос был неожиданным, похоже, Кейсер действительно вообразил, что Манн способен ему что-то приказать, держать здесь всю ночь, не позволять садиться, не разрешить выйти в туалет, вообще уйти...

– Садитесь, – великодушно предложил Манн и пододвинул издателю пластиковый табурет – несколько таких табуретов, черные и белые, стояли в углу, создавая впечатление маленькой шахматной доски.

Кейсер сел, подтянул брюки, сложил руки на коленях, на Манна не смотрел, взгляд его скользил по стенам, полкам, кухонным принадлежностям.

– Итак, – продолжал Манн, – вы искали договор. Нашли?

Кейсер покачал головой.

– Думаете, его нашел Мейден?

Кейсер пожал плечами.

– Может, Койпер давно его порвал и выбросил за ненадобностью?

Исчерпав, должно быть, свои способности реагировать, Кейсер сидел молча, погруженный в раздумья.

– Откуда у вас ключ?

– Что? – мысль издателя всплыла на поверхность сознания из глубин, куда погружалась в поисках ответа на какой-то еще не заданный Манном вопрос. – Ключ? У меня всегда был... Шесть лет назад я помогал Альберту найти эту квартиру, и тогда...

– Изготовили себе копию?

– Ну... Да.

– Зачем?

– Это имеет отношение?..

– Почему-то вы изготовили себе копию ключа от помещения, которое вам не принадлежало.

– Не знаю. Мне показалось, что это может пригодиться.

– И пригодилось, – кивнул Манн. – Не только сегодня, но, может, и позавчера ночью?

– Нет! – вскинулся Кейсер. – Не нужно на меня...

– При нашей первой встрече вы так и не сказали, где находились тем вечером.

– С женщиной я находился, разве это непонятно? И я не могу назвать ее имени и адреса, вы ведь это хотели спросить, верно? А если моя жена узнает... Мы женаты недавно, и я...

– И вы туда же, – вздохнул Манн. – Все это очень неубедительно. Я имею в виду то, что ключ лежал у вас шесть лет, и ваше так называемое алиби. И то, и другое легко проверяется. Если, к примеру, окажется, что ключ сделан неделю назад или еще позже... Вы понимаете?

– Чего вы от меня хотите? – с тихим отчаянием спросил Кейсер.

– Да Господи, правду, конечно!

– Правду, – с горечью произнес издатель. – В этом деле нет правды. Вообще. Ее не существует, понимаете?

– Нет, – отрезал Манн. – Правда – это то, что происходило реально, на самом деле. Ведь происходило же на самом деле что-то?

– В том-то и дело, что я не знаю. Может, происходило, может, нет.

– То, что делали лично вы. Давайте без философии.

Слово показалось Манну имеющим двойкий смысл, но возникшая мысль не пожелала задерживаться в сознании, а нырять за ней в глубину собственной памяти Манн не хотел и потому повторил:

– Итак, ваши действия. С момента, когда вы узнали, что Ритвелд устраивает выставку.

– Я подумал, что это он напрасно... Напоминать о тех временах. Совершенно ни к чему. Я ему позвонил. Спросил, зачем он это делает. Он сказал: «Мои картины. Они должны жить». Но голос был... Мне показалось, что Христиан чего-то боится. И вообще странная выставка – один день. Естественно, толпа. Я пришел. Хорошие картины, да. Они и тогда были замечательные, хуже не стали. Увидел Ритвелда, но подходить не стал. Зачем? Там еще был Альберт. Мы столкнулись в дверях, и он сказал: «Они стали лучше». Ну, не знаю. Может картина стать лучше от того что пролежала семь лет в запасниках? Я сказал: «Надо поговорить». «Хотите сделать заказ?» – спросил он. «Может быть», – сказал я. Но говорить нам нужно было о том, как быть, если страховая компания заинтересуется...

– Почему там должны были заинтересоваться? Ритвелд утверждал, что это – новые картины. Вам кто-то...

– Да. За день до выставки. Странный голос, на кого-то похож, но на кого – я и сейчас не знаю. Позвонил поздно вечером и сказал: «Эти картины, которые выставляет Ритвелд. Подлинники. Те, что сгорели». И что-то еще о том, что надо бы заплатить, чтобы кто-то, кому не следует об этом знать... Я бросил трубку, а потом подумал, что зря.

– Номер звонившего...

– Определитель не показал. Номер был заблокирован. Я хотел поговорить с Альбертом. Может, ему тоже...

– А если это он и звонил? Хотел заработать. Ведь, кроме него и Ритвелда, никто не знал о вашей афере. Вы могли об этом подумать.

– Нет, я не... На Альберта голос не был похож совершенно.

– Хорошо. Вы договорились с Койпером о встрече. Что дальше?

– Он сказал: «Приходите вечером». Я... Я уже вам сказал – у меня уже была назначена... «Но я освобожусь поздно, – сказал я, – часов в двенадцать». «Приходите в двенадцать», – сказал он.

– Как трогательно, – вздохнул Манн. – Жаль, что это неправда.

– Что неправда?

– То, что вы рассказываете. Это уже вторая версия. Если третья тоже окажется фантастической, я, пожалуй, передам их Мейдену, ему будет интересно.

– Послушайте! – воскликнул издатель. – Я хочу выпить! У меня в горле пересохло.

– И потому вы никак не решитесь сказать правду?

– Там, в шкафчике, коньяк...

– Ну да, вы же здесь все обшарили. Доставайте, все равно ваши отпечатки есть уже на всех предметах. Спасибо, я пить не буду. Можете считать, что я на работе.

Кейсер точно знал, где что лежит. Плоская бутылка «Наполеона» – на верхней полке, рюмки – в левом шкафчике снизу. Он достал две, но одну, встретив недовольный взгляд Манна, поставил на место. Налил себе по самый край – рюмка, впрочем, была небольшая, граммов на пятьдесят – и выпил мелкими глотками.

– Легче? – участливо спросил Манн. – Теперь поставьте на место бутылку, а рюмку помойте, протрите полотенцем и тоже поставьте в шкафчик. Зачем создавать сущности сверх необходимого?

– Какие сущности? – вскинулся Кейсер. – Ах, вы это фигурально...

Прежде чем сделать так, как посоветовал детектив, Кейсер налил себе еще рюмку и выпил залпом.

– Теперь, – сказал Манн, – вы можете, наконец, сказать правду. Хотите, я начну?

– Начните, – согласился Кейсер. – Все равно, то, что происходило на самом деле, вам никогда и в голову не придет. А если расскажу, вы не поверите. Какой же смысл?..

– Тогда прервите меня, если я начну ошибаться. Полагаю, шантажист вам действительно звонил. И с Койпером на вернисаже вы действительно говорили. Но к себе он не звал. «Давайте встретимся в десять, – предложил он, – в кафе "Мендельсон"»...

– «Мендельсон»? Почему «Мендельсон»? – поднял брови Кейсер. – В жизни туда не пойду, и Альберт это прекрасно знал. Он предложил встретиться в кофейне Эккермана. На Дамраке.

– Это уже теплее, – пробормотал Манн. – Продолжайте в том же духе.

– Я... Я действительно был у женщины. Ушел в половине десятого, она обиделась... Неважно. Альберт ждал меня, я рассказал ему о странном звонке. Оказалось, тот же голос звонил и ему. Удивительно, но оба мы подумали о Христиане. Мы не считали его способным на такие выходки, в конце концов, семь лет прошло... Да ведь и сам Христиан сидел в этой лодке, и если шантажировать... В общем, сейчас эта мысль кажется мне нелепой, а тогда на нас обоих будто затмение нашло, мы только о Христиане и говорили, и говорили о картинах, они стали за эти годы какими-то... не другими, и я, и Альберт прекрасно помнили все детали, нам не нужно было мнение экспертов, мы оба видели – Христиан не рисовал новых картин, он выставил те, старые, но теперь картины производили иное впечатление. Они... это действительно были шедевры, в то время как прежде о них можно было сказать: «Замечательно. Дорогие пейзажи. Классная, профессиональная работа». Шедевры? Вряд ли...

– Мы говорили об этом, – продолжал Кейсер, глядя на лежавшие на коленях ладони, время от времени он поднимал взгляд на Манна, будто для того, чтобы убедиться: детектив никуда не исчез, сидит, слушает, не записывает, а запоминает, память у него, значит, хорошая, молодой еще. – У Эккермана закрывают рано, в одиннадцать, и когда нас попросили, мы еще не закончили разговор, я предложил посидеть у него, это недалеко, вы знаете, а ко мне дальше, да и жена...

– Дверь должна была хлопнуть, когда вы входили, – сказал Манн.

– Что? Дверь? Да, есть у нее такое свойство. Но Альберт как-то умел... У него получалось... Больше ни у кого. При чем здесь дверь? Это важно?

– Нет, – сказал Манн. – Продолжайте. Вы пришли сюда...

– Сидели здесь, как с вами сейчас, я – на этом самом месте, Альберт – на вашем. Немного выпили, думали, что делать с шантажистом, решили подождать, будет ли второй звонок, было уже за полночь, когда...

Кейсер замолчал, поднял ладони к лицу, приложил к щекам и застыл, неподвижно глядя в какую-то точку на стене позади Манна. Детектив медленно обернулся – ему показалось, что сзади стоит кто-то, кого издатель не ожидал увидеть и поэтому пришел в совершенное замешательство, но никого там, конечно, не было – стена, на которой висела доска с ножами, рядом – кухонный шкафчик, белый, с коричневыми пластиковыми ручками.

– Когда что? – спросил Манн, не выдержав молчания.

– Он вон там и появился, за вашей спиной, – проговорил Кейсер. – Секунду назад не было, и вдруг – стоит. Я его сразу увидел, а Альберт смотрел в мою сторону и обернулся, когда я... Так странно, будто он услышал наш разговор и пришел...

– Кто? – вскричал Манн.

– Ну... Христиан. Он там стоял и смотрел на Альберта. Откуда он появился? Не в дверь. Подавно не в окно. И не из шкафа же, на самом деле... Альберт протянул руку, думал, наверно, что это призрак, рука уперлась Христиану в грудь, я видел, как пальцы Альберта сминали рубашку, на Христиане была его желтая рубашка в коричневую полоску, он был в ней на вернисаже...

«Альберт, я принес тебе кое-что», – сказал он и достал из кармашка маленькую коробочку, что на ней было написано, я не видел, а лежали капсулы розового цвета, Христиан достал одну, положил на ладонь и протянул Альберту.

«Ты как сюда попал?» – спросил Альберт. Он будто не видел капсул и коробочки тоже, его совершенно вывело из равновесия появление Христиана, дверь ведь из кухни была закрыта, окна тоже...

«Положи в рот и проглоти», – сказал Христиан, не отвечая на вопрос. Он разжал Альберту ладонь, вложил в нее сначала одну капсулу, затем вторую, третью, а тот стоял и смотрел, я тоже не мог сказать ни слова, у меня язык будто рассохся, ужасно хотелось выпить, и я налил себе коньяка... А потом...

Кейсер опять надолго замолчал, но на этот раз Манн не стал его подгонять, надо же было дать человеку подумать, приправить свое сочинение нужными деталями, подробностями, выпил издатель изрядно, но не настолько все же, чтобы не понимать, каким нелепым выглядел его рассказ и что сказал бы, услышав его, старший инспектор Мейден.

– Потом, – закончил Кейсер неожиданно твердым голосом, будто действительно за эти минуты точно все обдумал, решил, какой линии поведения следует придерживаться, и произносил теперь текст, в котором каждое слово стояло на своем, единственно возможном месте, – потом Альберт, будто под гипнозом, положил в рот одну капсулу за другой, Христиан протянул ему стакан с водой – налил из-под крана – и Альберт запил. Я видел их обоих в профиль – Альберта слева, Христиана справа. Христиан забрал у Альберта стакан, поставил на столик... Сейчас там ничего нет, наверно, полиция забрала на экспертизу. Ничего не найдут, там была обычная вода... Коробочку Христиан на моих глазах бросил в мусорное ведро – вон там оно, под раковиной, видите, оно пустое, наверно, и оттуда полиция все вымела, и тогда я не понимаю, почему они сразу не поняли, как умер Альберт. На моих глазах... Лицо его перекошилось... боль, наверно, была адская, руками он схватился за живот, согнулся пополам и повалился на пол, я его не видел из-за стола, и ноги у меня не двигались, то ли от выпитого, то ли от страха или какого-то другого ощущения... Я смотрел на Христиана, который смотрел на Альберта, и по тому, как реагировал Христиан, мог предположить, что происходило... Он стоял и смотрел, внимательно, с участием – да-да, на лице его было участие и сожаление, и горечь, и печаль, а потом все кончилось, и лицо Христиана

стало спокойным, он вздохнул, посмотрел в мою сторону, и у меня создалось впечатление, что меня он не видел. Дверь в комнату видел, она была закрыта, я это знал, а меня самого – нет. Вам наверняка знакомо это ощущение: когда смотрят будто сквозь тебя и не видят в упор... А потом он исчез.

– Исчез, – повторил Манн, давая понять, что с этим определением надо бы серьезно разобраться.

– Исчез, – кивнул Кейсер. – Как кадр в кино меняется, знаете – был человек, и нет, другая сцена пошла. Я помню, что мыслей у меня никаких не осталось. Стоял и пытался из-за стола разглядеть, как там Альберт. Долгое время мне и в голову не приходило сделать несколько шагов... А он лежал мертвый, это я много позже понял, когда пришел в себя. Мертвый – и ничего нельзя было сделать. И я рядом. И больше никого. Я испугался – а вы не испугались бы? Рюмку, из которой я пил, сунул в карман брюк – понятия не имею зачем, можно было помыть под краном и оставить... А в мусорное ведро даже не заглянул – совсем в тот момент не подумал о коробочке. Протер платком ручки дверей и ручки кухонного шкафчика, а больше ничего здесь не трогал, все было как в тумане, мне мерещилось, что сейчас из угла выйдет Христиан и заставит меня тоже проглотить эту ужасную... Очнулся на улице, даже не около дома, а на Дамраке – почему я пошел в ту сторону, не имею понятия. Домой вернулся около часа ночи, жене сказал, что дела задержали, она не поверила, мы поспорили... Вам это интересно? Нет? Вы хотели услышать – услышали. Как – яснее вам стало? Понятнее?

– Любопытная история, – пробормотал Манн. – Что вы здесь сегодня искали? Не договор, верно?

– Коробочку, естественно. Мусорное ведро оказалось пустым, но у меня... Я уже не был уверен, что Христиан положил коробочку именно в ведро. Может, в один из нижних шкафчиков? Или в верхний? Или еще куда-то. Воспоминания расплывались, я боялся... а может, надеялся, но скорее все-таки боялся, что вообще все забуду...

– Мне вы рассказали множество деталей, – напомнил Манн. – Похоже, на память вам жаловаться не стоит. Или на работу воображения?

– Я же сказал, что вы мне не поверите, – печально произнес Кейсер. – Я и сам не поверил бы в такую историю. Бред, верно?

– Конечно, – кивнул Манн. – Знаете, неплохой вариант – если вас обвинят в убийстве.

– Меня?! – вскинулся Кейсер. – Почему меня? Полиция не знает о нашей сделке. Почему я? У меня нет мотива!

– Зато наверняка где-нибудь в этой квартире остались ваши отпечатки. Вы говорите, что протерли ручки дверей, но уверяю вас, оставили массу отпечатков там, где сами не ожидали. Вам в голову не пришло их стирать, а полицейский эксперт методично все проверил... Так я о чем? Ваша версия в полиции будет воспринята на ура. Совершенно очевидно – подозреваемый понимает, что улики против него, и начинает симулировать сумасшествие.

– Я не сумасшедший!

– И может, даже не симулировать, – невозмутимо продолжал Манн. – Может, он действительно того... Известно, что психически больные люди очень редко сами себе дают в этом отчет. Они считают себя здоровыми...

– Господи... – пробормотал Кейсер. – Что я должен сделать, чтобы вы мне поверили?

– Найти коробочку, – объяснил Манн. – Только найти – и не трогать. Ваших пальцев там быть не должно. И пальцев Альберта. Только Ритвелда. Тогда... Но вы ведь не нашли коробочку.

– Наверно, полиция нашла...

– Нет, – покачал головой Манн.

– Тогда не знаю...

– Еще одно таинственное исчезновение, – констатировал Манн. – Пожалуйста, посидите спокойно, ничего не трогайте и желательно – не двигайтесь, чтобы я не нервничал попусту. А я посмотрю. Все-таки у меня больше опыта, согласитесь.

– Да-да, конечно, – пробормотал Кейсер и застыл, сложив руки на коленях. Голову он все-таки поворачивал и за действиями детектива следил очень внимательно. Время от времени говорил «Нет, там я тоже искал», но тут же замолкал.

Чтобы осмотреть комнату, Манну понадобилось около получаса, коробочку он не нашел, да и не надеялся, что ему повезет. Из бокового кармана куртки Кейсера то и дело раздавались приглушенные звуки – звонил мобильник, но издатель даже не пытался достать аппарат и ответить.

– Кто вас все время домогается? – спросил Манн, закончив осмотр. – Время вроде бы позднее.

– Жена, – сказал Кейсер, не шевельнувшись. – И именно потому, что время позднее.

– Она беспокоится? Ответьте, наконец, иначе соседи снизу проснутся.

Кейсер вытащил из кармана продолжавший звонить аппарат, посмотрел на дисплей, нахмурился и сказал с недоумением:

– Это не... Номер... Что-то я не...

– Ответьте, – предложил Манн.

– Слушаю, – сказал Кейсер, нажав на кнопку. Даже в холодном свете люминесцентной лампы видно было, как побледнел издатель, взгляд его стал пустым, как внезапно пересохший колодец. Почему-то Манн почувствовал побежавшие по спине мурашки, неожиданный ужас, охвативший Кейсера, передался и ему. Манн не был восприимчив к чужим эмоциональным состояниям, но сейчас ему передалась не эмоция, а нечто более глубинное – мгновенно пересохло во рту, нестерпимо захотелось выпить, причем почему-то не воды, что было бы по крайней мере естественно, а чего-нибудь покрепче, лучше – коньяка, которого Манн терпеть не мог. Он вспомнил о плоской бутылке, стоявшей на верхней полке шкафчика, и рука потянулась сама, Манн открыл левую дверцу, но бутылки не увидел – на полке лежала маленькая плоская белая коробочка, в каких продают лекарства, надпись Манн разглядеть не мог, нужно было взять коробочку в руку, но сделать это детектив не сумел бы ни при каких обстоятельствах – не то чтобы это было тяжело или неприятно, он просто знал, что не сделает этого даже под дулом пистолета, скорее умрет, чем дотронется до коробочки, и почему возникло такое неодолимое чувство, он не мог понять тоже, полное непонимание собственных желаний, поступков и состояния представлялось Манну самым странным и страшным, что могло с ним случиться, рука так и осталась поднятой, но, потеряв способность координировать свои движения в пространстве, он неожиданно услышал все, что говорил по мобильнику собеседник Кейсера. Голос был Манну не знаком, а слова...

– Здравствуй, Питер... Что ты делаешь в моей квартире? Уходи. И сыщика уведи, нечего вам у меня делать.

– Это ты... Ты не...

– Да. Только ты все равно ничего не понимаешь. И не поймешь. И не надо. Просто уходи. И сыщика уведи. А с Христианом я разберусь сам. Ты меня понял?

– Я...

– Понял или нет?

– Я... Да. Понял.

– Ну все. До встречи.

– До... Я не...

– Понятно, что ты не. Пока не. И еще не известно, до каких пор – не.

Голос в телефоне замолчал, и тишина – Манн слышал ее, хотя и не понимал, как это возможно, – настала такая, будто аппарат выключился вообще, не из сети даже, а вообще из мира, если мир – это какая-то информационная сеть, живая и, возможно, разумная.

– Гос-споди, – сказал Кейсер и уронил телефон, ударившийся о доски пола с глухим стуком.

– Что это было? – не узнавая собственного голоса, спросил Манн. – Кто? Я все слышал, что вам говорили. Это ведь не мог быть Койпер.

– Голос Альберта, – в глазах Кейсера по-прежнему была пустота, и говорил он, будто камни языком перекатывал, понять слова было трудно, но с каждым произнесенным словом жизнь будто возвращалась, и в конце фразы издатель сорвался на крик: – Я узнал голос, это он, но ведь Альберт мертвый, мертвый, мертвый!

– Успокойтесь! – резко сказал Манн. – Теперь-то уж точно понятно, что кто-то вас мистифицирует, запугивает. Кому-то надо...

– Я узнал голос!

– Точно это определить мог бы только полицейский эксперт по представленной записи, а этот разговор, конечно, не записывался, в вашем телефоне нет такой опции, верно?

– Нет, – поник Кейсер. – А... Христиан? Вы хотите сказать, что и это была... мистификация? Как это возможно?

– Скорее всего, – сказал Манн. – В наш век... Голограмма, например.

– Голограмма, заставившая Альберта принять яд? – с сарказмом спросил Кейсер. – И коробочки в мусорном ведре не оказалось...

Вспомнив, Манн протянул руку и достал с полки кухонного шкафчика плоскую коробочку. Держа ее двумя пальцами за грани, детектив протянул коробочку Кейсеру и спросил: – Эта?

Издатель отшатнулся от Манна, как от прокаженного.

– Да, – сказал он, бросив на коробочку единственный взгляд. – Вы ее сами подкинули? Ничего там не было – я искал.

– Я тоже, – задумчиво сказал Манн. – Ничего там не было – вы правы. Несколько минут назад не было. Потом зазвонил ваш мобильник...

– И что? – не понял связи Кейсер.

– Не знаю, – признался Манн. – Надо подумать. Все это должно иметь простое объяснение. Очень простое – чем более таинственным выглядит дело, тем на самом деле оно проще. Надо только понять причину. Способ.

– Способ? Из ничего является Христиан... Альберт умирает... Звонит мне с того света... Какой способ? Какой??

Манн аккуратно завернул коробочку в салфетку, положил находку в карман куртки, внимательно огляделся и сказал:

– Все. Хватит. Зачем вы сюда приходили? За этой коробочкой? Мы ее нашли. Уходим, делать здесь больше нечего. Закончим разговор в другом месте.

– Мы еще не закончили? – тоскливо спросил Кейсер.

Манн не ответил. Подтолкнув издателя к выходу, он направился в прихожую, открыл тугую дверь на лестничную площадку, пропустил Кейсера и медленно, миллиметр за миллиметром, начал закрывать дверь. Хлопнет или нет? Не нужно, чтобы хлопнула. Если хлопнет, проснется Хельга. Выглянуть она не успеет – пока перелезет с кровати на коляску, – но стук запомнит и непременно скажет Мейдену. Если, конечно, старший инспектор еще не забыл о простом деле умершего от инфаркта художника.

Манн с усилием удержал дверь от удара о притолоку, и вроде бы все закончилось благополучно, без малейшего звука, но в самый последний момент, когда, казалось, дверь уже

плотно закрыла проем, что-то громко шелкнуло, и с гулким стуком дверь захлопнулась, подтвердив свою репутацию.

– Что же вы... – начал Кейсер.

– Черт! – прошипел Манн. – Это какое-то... Я же держал ее до последнего...

На лестнице был полумрак, горели только слабые лампы над лифтовыми дверьми, Манн и Кейсер спустились тихо, будто и не касались пола, летели по воздуху – когда проходили (пролетали?) мимо квартиры Веенгартенов, Манну показалось, что в глазок кто-то смотрит, но это, конечно, было игрой воображения. На первом этаже в холле горел яркий свет, дверь на улицу открылась легко и так же легко за ними закрылась – без шума, лишь наборный замок мигнул зеленой и красной лампочками, отгородив дом от нежелательных посетителей.

– Господи, – сказал Кейсер. – Это какой-то кошмар... Мне надо домой. Давайте поговорим завтра. Хотя я не знаю, о чем нам еще говорить. Пожалуйста...

– Где ваша машина? – спросил Манн.

– Зеленый «рено», видите?

– Вижу. Кто это там стоит? Ваша жена?

Кейсер тихо застонал и схватил Манна за локоть.

– Доброй ночи, – сказала женщина, выйдя из тени. – Я вас жду больше часа. Вы что-нибудь нашли?

– Господи, Кристина, – пробормотал Манн. – Как вы напугали господина Кейсера...

* * *

Они заняли столик в глубине зала, официант принял заказ – Манн заказал черный кофе, Кристина ледяного апельсинового сока, а Кейсер попросил чего угодно, лишь бы покрепче – и на какое-то время повисло вязкое, тяжелое, как облако ядовитого газа, молчание. «Мартиник» был открыт круглые сутки, здесь можно было сидеть за единственной бутылкой пива хоть неделю, и никто не подойдет, пока посетитель сам не подаст официанту знак. Музыка не было никакой, но гул тихих разговоров создавал ощутимый звуковой барьер, отделявший, помимо тонких перегородок, кабинки друг от друга.

– Кого вы ждали, Кристина? – спросил Манн. – Меня или господина Кейсера?

– Вас, – сказала журналистка. – О присутствии там господина Кейсера я даже не подозревала.

– Знаете, Кристина, – улыбнулся Манн, – после нашего разговора я все время думал о том, под каким предлогом мне вам позвонить и договориться о встрече. Вроде бы все вопросы я вам задал и больше ни о чем...

– А позвонить просто так, – перебила Кристина, – и пригласить в ресторан вам мешало ваше самолюбие?

– Нет, – Манн покосился на издателя, сидевшего с отрешенным видом и дожидавшегося то ли чего-нибудь крепкого, чтобы выпить, то ли чего-нибудь успокаивающего, чтобы прийти в себя. – Просто я решил, что вам со мной будет не интересно. В живописи я так мало понимаю...

– Думаете, я понимаю больше? – рассмеялась Кристина. – Я о ней пишу, это так. Видела множество картин – от бездарных до гениальных. Могу каждую из них разобрать на составляющие, разбираюсь в стилях, школах и направлениях. Но если вы думаете, что я понимаю, как в голове художника – я имею в виду не мазилу, а настоящего живописца, – как в его голове рождается идея, – не композиция, не цветовая гамма, – именно идея... Я не представляю, а ведь это самое главное, что присутствует в любом творчестве. Идея, мысль, наитие. Почему у одного человека все это есть в избытке, а другой – пустое место?

– Вы меня поражаете, – пробормотал Манн. – Я часто думаю о том же самом.

Официант принес кофе и сок, а для Кейсера рюмку «кальвадоса», и удалился, улыbnувшись Кристине такой тонкой, исчезнувшей сразу после своего появления улыбкой, что Манну, с одной стороны, почудилось, что они давно и хорошо знакомы, а с другой – что ему всего лишь почудилось. Он подумал о том, что именно Кристина выбрала это кафе и привезла их сюда на своей машине, но выводов делать не стал, представляя, куда они могут его завести. Впрочем, какая разница? Но ему почему-то было неприятно думать, что Кристина и этот молодой парень, приехавший из одной из стран Магриба...

– Вы хотели что-то мне сказать? – спросил Манн, отогнав ненужные мысли. – И как вы меня нашли?

– Ватсон, это очень просто, – важным голосом произнесла Кристина и, не выдержав, прыснула. – Послушайте, Тиль, вы думаете, только профессионал умеет складывать два и два? Вы занимаетесь делом о смерти Койпера. С Ритвелдом вы уже говорили, были у него в мастерской. С Кейсером... – Кристина покосилась на издателя, сосредоточенно сосавшего из своего бокала, – с ним вы тоже общались до нашего с вами разговора. Из всей троицы оставался сам погибший – я бы на вашем месте непременно отправилась изучить его жилище. Ну, я так и сделала. Ваша машина стояла перед домом, свою я поставила неподалеку и стала ждать. Довольно долго, хотя я и приготовилась...

– Могли бы позвонить, – сказал Манн, – и не пришлось бы ждать, я бы к вам спустился.

– Чтобы я оторвала специалиста от работы? – удивилась Кристина. – Может, вы там занимались поисками важной улики, а я...

– Ну ладно, – сказал Манн, – давайте перестанем ходить вокруг да около. Вы хотели что-то сказать. Что-то вспомнили, верно? Очень важное.

– Я не знаю, важное или нет, – медленно проговорила Кристина, – но действительно кое-что вспомнила.

– На вернисаже?

– Нет, – она медлила, и Манн подумал, что девушка не хочет говорить при Кейсере. Проследив за его взглядом, Кристина покачала головой. – Нет, – повторила она, придав слову другой уже смысл. – Я вышла из галереи, была разочарована, картины мне не понравились... Я шла к машине и думала, как писать статью – жестко и обидно или помягче, чтобы Ритвелд... И вдруг увидела... Я прекрасно слышала звуки города, то есть, я хочу сказать, что ни на секунду не подумала, что со мной что-то не в порядке... Но я увидела одну из картин. Не картину, а место, где стоял Ритвелд, когда писал тот пейзаж. Солнце заходило за резко очерченный склон далекой горы. Бордовое, мрачное небо тоже было пурпурно-бордовым внизу и желтоватым в зените, там висело, как полотенце на гвозде, серое облако, похожее на цыпленка-табака. Предгорье погрузилось во мрак, но тени остались: то ли это были куцые деревья, под которыми лежали дохлые звери, то ли какие-то полуразложившиеся создания, убитые или умершие своей смертью. Это был потусторонний мир, я точно знала, что мир этот находится по ту сторону чего-то, я будто перешла границу, шагнула и оказалась там, и нужно шагнуть назад... Я так и сделала – и хорошо, что успела, звук сигнала я услышала мгновением раньше, когда еще была там... Я переходила улицу, и из-за поворота... В общем, я успела отскочить, и грузовик промчался мимо, вы представляете, как я испугалась?

– Могу себе представить, – пробормотал Манн, думая все же не о грузовике, едва не сбившем Кристину, а об ее описании, удивительным образом совпавшим с его собственным впечатлением от первой картины, увиденной в мастерской художника. Он ведь так же об этом думал, теми же словами передавал свои ощущения, и облако в зените действительно видел похожим на распластанного цыпленка...

– Но это не все, – продолжала девушка. – Я оступилась и упала бы, если бы меня не поддержал мужчина. Я механически его поблагодарила и пошла дальше сама не своя, и

только когда села в машину, подумала, что это тоже было странно, не менее странно, чем мое странное видение. Мне помог Ритвелд, но этого быть никак не могло – я точно знала, что он остался в зале, незачем ему было выходить следом за мной на улицу, да он и не успел бы: я видела, уходя, что он стоял в толпе посетителей в самой глубине галереи... Христиан взял меня под руку, спросил... Что же он спросил? «С вами все в порядке?» Примерно так. И ушел. Впрочем, не знаю – ушел ли. Я на какое-то время отвлеклась, приводила себя в порядок, а когда подняла взгляд, Ритвелда не было. Ни рядом со мной, ни вообще.

– Показалось! – с неожиданным ожесточением воскликнул Кейсер, внимательно слушавший рассказ Кристины. – Все, к черту, показалось! Все здесь, ко всем чертям, кажется!

– Успокойтесь, Питер, – сказал Манн. – И вы, – продолжал он, обращаясь к Кристине, – искали меня, чтобы об этом рассказать? Только об этом?

– Почему вы думаете, что было что-то еще? – нахмурилась журналистка.

– Потому, – терпеливо объяснил Манн, – что все это вы могли рассказать и при нашей первой встрече.

– Я не придавала значения...

– Вот именно. Вы не придали значения, но после нашего разговора случилось что-то, из-за чего вы вспомнили этот эпизод и бросились меня искать, причем не хотели звонить по телефону, а непременно лично...

Кристина поставила на стол свой бокал.

– Ну... Да. Случилось. Мы с Эльзой вышли из кафе, и я вдруг вспомнила. С вами такое бывало? Вы точно знаете, что делали, скажем, час назад, вы помните это со всеми подробностями, они еще не успели выветриться из памяти, и вдруг вспоминаете – именно вспоминаете, – что делали нечто совсем другое, и это другое тоже помните со всеми деталями, еще из памяти не выветрившимися.

– Дежа вю?

– При чем здесь дежа вю? Вы не понимаете!

– Я понимаю, – торопливо сказал Манн. – Вы вспомнили. Что?

– В галерее. Я знаю точно, что с Ритвелдом не разговаривала. Ходила, смотрела, мы пару раз встретились взглядами, он, видимо, хотел что-то у меня спросить, но мне было неинтересно с ним говорить, и я отворачивалась. Я знаю, что так было, понимаете? Но когда мы с Эльзой... Я вспомнила, как было на самом деле.

– На самом деле? – уточнил Манн.

– Ну... По правде, сейчас мне трудно сказать, что там было на самом деле, а что нет. Тогда мне показалось, будто события странным образом поменялись местами. На самом деле происходило то, что я вспомнила после нашего с вами разговора. А то, что я помнила раньше и о чем говорила вам, на самом деле не происходило, мне только казалось, что это... Я, должно быть, совсем вас запутала?

– Нет, – сказал Манн. – Продолжайте, Кристина.

– Так вот... Я вспомнила, что когда стояла перед третьей картиной, той, на которой изображена амстердамская улица при закате солнца, на самом деле такой улицы нет, это обобщенный образ, так вот, Ритвелд подошел ко мне, взял за локоть, – крепко, я поняла, что если стану вырываться, это привлечет внимание, – и сказал: «Это наш с вами уголок, вы узнаете его, вы не можете его не узнать»... И что самое удивительное: я узнала. В своем воспоминании я действительно узнала это место, и мне стало... не то чтобы не по себе, но... знаете, когда удовольствие от воспоминания смешивается со страхом и непониманием. Я узнала дом – старинный дом красного кирпича с длинными узкими окнами на втором этаже. Сюда мы приходили с Ритвелдом почти каждый вечер и оставались до утра, мы там занимались любовью, нет, вы можете себе это представить – я и Христиан? Но в тот момент я помнила: так все и было. Я помнила, как он подошел, взял меня за локоть, показал на

картину, и я будто вошла в нее, узнала, ощутила жар, потому что вспомнила, как мы... И тут все пропало, то есть, не пропало, конечно – ничего ведь и не было, только картина в мозгу, – Эльза спросила у меня: «С тобой все в порядке?» «Да», – сказала я, и мы пошли дальше, но я быстро распрощалась и бросилась искать вас, потому что в тот момент мне казалось, что это очень важно – рассказать вам, что случилось.

– Ничего не понимаю, – пожаловался Кейсер. – У кого-то из нас плохо с мозгами. Или у всех сразу.

– С мозгами у нас все в порядке, – задумчиво произнес Манн. – Во всяком случае, нам следует придерживаться этого мнения, иначе мы никогда ни в чем не разберемся.

Издатель пожал плечами, поднес ко рту рюмку, поморщился, почувствовав не понравившийся ему запах, поглядел рюмку на свет и поставил на стол.

– Кальвадос, – пробормотал он. – Терпеть не могу кальвадос. Почему я его заказал?

– Кристина, – сказал Манн, – вы знаете, что картины, выставленные на вернисаже, это не копии по памяти, сделанные Ритвелдом, а оригиналы, вовсе не сгоревшие во время пожара семь лет назад?

Кейсер двумя глотками допил свой кальвадос и раздраженно сказал:

– Зачем вы ей это говорите? Что, черт возьми, вы...

– Спокойно, – Манн отобрал у Кейсера бокал и осторожно поставил на стол. – Кристина должна знать, чтобы верно оценить происходившее.

– Картины не сгорели? – удивленно переспросила девушка. – А, понимаю... Страховка, да. Но погодите, там же нашли рамы, отдельные не сгоревшие фрагменты, я помню, это были те самые картины. Или то, что я помню, такая же ерунда, как...

– Нет, вы помните правильно, – успокоил Кристину Манн. – Сгорели копии. Оригиналы все эти годы лежали в мастерской Ритвелда.

– Тогда почему он... Да, понимаю. Интрига. Нарисовал заново. Очень интересно... Погодите, а копии, кто делал копии? Не говорите, я сама догадаюсь. Койпер, да? И если он молчал, значит... Ну да, и квартиру он купил не по средствам. Все сходится, как интересно! Значит, Христиан выдал старые картины за новые. А Койпер знал и начал Ритвелда шантажировать. Тогда Христиан его убил.

– Что за фантазии! – воскликнул Манн.

– Почему... Нет, – сказала Кристина с сожалением. – Нет. Все, что вы сказали – чушь, извините.

– Почему чушь? – нахмурился Манн.

– Потому что Ритвелд действительно показал другие картины. Не те. Можете мне поверить, я специалист, и память у меня хорошая.

– Да? – поднял брови Манн. – Не далее как пять минут назад вы вспомнили то, чего быть на самом деле...

– Не сбивайте меня! Это были другие картины, я готова присягнуть на Библии.

– Вы можете назвать детали, которыми новые картины отличаются от прежних?

– Детали – нет. У Ритвелда замечательная художественная память, он все повторил в точности. Кроме оттенков цвета, очень незначительные различия, но, мне кажется, именно поэтому картины стали другими – прежние возбуждали, от них невозможно было оторваться, я помню... да, – с вызовом сказала Кристина, увидев иронический взгляд детектива, – да, помню это свое ощущение силы и воздействия на подкорку, а сейчас картины мертвые, изображения те же, но нет жизни. Те картины были шедеврами, а эти ничего не стоят. Понимаете?

– Господи, – вздохнул Манн, – не хватало только, чтобы вы действительно поклялись на суде, что картины – новые. Кстати, скажите, Кристина, эксперт может, наверно, определить, написаны картины недавно или семь лет назад?

– Вряд ли, – покачала головой девушка. – Разницу между новым полотном и столетней давности обнаружить можно. Другие краски, старый холст... Но семь лет назад Ритвелд писал теми же красками фирмы «Прамор», холсты выпускались точно такие же... Может, если провести микроскопический анализ, разницу удастся обнаружить, но это очень дорогая экспертиза, а Ритвелд – не Гоген, согласитесь. Кто станет тратить такие деньги? И зачем? Пусть спросят у меня – я тоже эксперт в своем деле. И я говорю: это другие картины.

– Тогда, – сказал Манн, – у Ритвелда не было мотива для убийства. Если сгорели не копии, и если он написал все заново... При чем здесь Койпер?

– Не знаю. Понятия не имею. Это вы детектив, а не я. Меня на суд позовут, как эксперта. Даже не как свидетеля.

– Скажите, Кристина, – перебил женщину Манн, – вы ведь с самого начала знали об этой истории с подменой картин?

– Я? Почему вы решили...

– Вы не удивились. Когда я рассказывал о том, как была совершена подмена, вы слушали, кивали головой и совершенно не были удивлены. Даже не пытались разыграть удивление, то ли посчитали это не нужным, то ли не подумали... И об убийстве Альберта вы знали раньше, чем это было сообщено по телевидению. И около дома Альберта оказались не потому, что искали меня – незачем вам было меня искать так поздно, вы могли рассказать о своих видениях завтра утром – или боялись забыть? И ваши слова о том, как вы точно рассчитали, что я буду именно там... Что мне было, вообще говоря, делать в квартире Койпера, где уже поработала полиция? Нет, вы приехали, потому что вам самой что-то нужно было в этой квартире. Увидели с улицы, что в комнатах горит свет, и остались ждать. Кого вы думали застать? Только не нас с Кейсером – я же видел, как вы были удивлены. Так кого вы там предполагали увидеть на самом деле?

– Вас, – сказала Кристина. – Но одного. Я удивилась тому, что с вами оказался Питер.

– Вы еще не видели кто со мной, когда... Ну хорошо. Похоже, что правды ни от вас, ни от господина Кейсера мне не услышать.

– Я не лгу!

– Пришло время, – продолжал Манн, – заканчивать, наконец, с этой историей. Вы хорошо знаете господина Ритвелда – он поздно ложится? По-моему, он сова...

Манн достал из кармана телефон, посмотрел на дисплей – за последние два часа было зафиксировано шесть звонков, но звуковой сигнал Манн выключил, когда входил в дом Койпера, и всем звонившим отвечал автоответчик. Нажав несколько кнопок, Манн убедился в том, в чем и так был уверен. Выбрав в памяти аппарата номер мобильного Ритвелда, детектив поднес трубку к уху. Кейсер не смотрел в его сторону, он не отрывал взгляда от Кристины, будто ожидал с ее стороны непредсказуемых поступков, а журналистка сидела, прикрыв веки и думая о чем-то своем. В трубке раздавались долгие гудки – похоже, художник все-таки отправился спать. Или... Ритвелд мог не захотеть отвечать на звонок Манна, он же видел, кто к нему пробивался.

– Господи, – сказал, наконец, хриплый голос художника, – я вас умоляю... Тиль, вы не могли найти другое время?

– Я вас разбудил? – с иронией спросил Манн. Он был уверен, что Ритвелд не спал.

– Именно, – сказал художник. – Вы хотите сказать, что знаете, кто убил Альберта?

– Я хочу сказать, что нам нужно поговорить. Где вас можно найти?

– Сейчас?

– Сейчас. Мы можем приехать к вам в мастерскую через двадцать минут.

– Мы? – переспросил художник. – Со старшим инспектором Мейденом?

– Нет. Так мы едем?

– Ну... Хорошо. Я буду.

* * *

Ехать к Ритвелду Кейсер отказался наотрез, и Манн отпустил издателя домой – да и как он мог заставить его делать то, чего тот делать не хотел? К тому же, пользы от его присутствия Манн не представлял – разве что как источник эмоционального давления. «Я вас видел!» «Что за чушь вы рассказываете?» «Вы явились к Альберту на моих глазах!» «Да я спал у себя дома»... Бессмысленно.

– Зачем вы его отпустили? – спросила Кристина, когда автомобиль Кейсера скрылся за поворотом улицы Брейнстраат.

– Потому что хотел побыть с вами наедине, – улыбнулся Манн и взял девушку под руку. Он думал, что Кристина рассердится и отберет руку или каким-нибудь иным способом выразит свое неудовольствие, но она прижалась к нему теснее, обхватила его пальцы своей теплой ладонью и сказала таким тоном, будто они были знакомы целую вечность, и то, что между ними сейчас происходило, ожидалось ею давно и с нетерпением:

– Почему вы не сказали об этом сразу, в кафе?

– В кафе... – тогда у Манна и мысли не возникло о том, чтобы пригласить Кристину куда-нибудь, сидеть напротив нее, смотреть в глаза, и уж тем более не было мысли поцеловать ее в губы, крепко, так, чтобы перехватило дыхание, – тогда, – сказал Манн, – рядом была Эльза, а это такой источник и передатчик информации...

– Двусторонний? – осведомилась Кристина. – Или только в вашем направлении?

– Боюсь, что многосторонний. Мне, как начальнику, перепадает больше, конечно, и на этой разнице я часто делал важные заключения.

– Может, тогда поедем не к Ритвелду – чего вы от него хотите в первом часу ночи? – а ко мне? Хороший кофе гарантирую, беседы об искусстве тоже, а остальное – как получится.

– С удовольствием, – сказал Манн, открывая правую дверцу машины и помогая Кристине усесться, – после разговора с Ритвелдом поеду к вам и расслаблюсь так, как никогда в жизни. А сейчас надо все-таки закончить дело. Можно, я сяду за руль?

Он обошел машину, сел на место водителя и включил двигатель.

– Вы что же, как и Кейсер, считаете, что Христиан убил Альберта? – недоверчиво спросила Кристина. – Это полный бред – то, что он рассказал. Призраки, отравленные капсулы...

– Картины, изменившиеся за семь лет хранения... – продолжил Манн. Улицы Амстердама были пустыни, но детектив все равно ехал медленно, так он привык, в городе он никогда не разгонялся даже до пятидесяти километров, а сейчас ему было так хорошо рядом с этой женщиной, ее духами, ее низким голосом.

– Картины действительно изменились, это я вам, как профессионал говорю! Потому я и была уверена – как все, – что Ритвелд нарисовал копии по памяти. А бестелесный дух, ниоткуда возникающий... Это, простите... Почему тогда капсула с ядом оказалась материальной?

– Граф Калиостро, – напомнил Манн, – с успехом проводил сеансы материализации.

Кристина промолчала, поняв, что раскрывать свои секреты Манн все равно не станет, и лучше подождать развития событий, если им вообще суждено было как-то развиваться.

На Принценграахт горел всего один фонарь, и освещалась улица только тусклым светом витрин, в которых стояли манекены, лежали неопределимые в полумраке товары и двигались странные тени, сначала напугавшие Кристину, а потом оказавшиеся отражениями в стеклах витрин фар их медленно двигавшейся машины.

– Вроде бы здесь, – пробормотал Манн. – Ночью все не такое, как днем...

– Я думала, – насмешливо сказала Кристина, – что детективы, как кошки, прекрасно видят в темноте.

– Видят, конечно, – серьезно отозвался Манн, – но обычно не могут узнать, что видят. Это ведь разные процессы – видеть и понимать.

– Да уж, это точно, – Кристина выбралась из машины, хотела захлопнуть дверцу, но подумала, как громкий звук разорвет ночную тишину на две половинки, и тихо прикрыла дверцу, так что замок щелкнул едва слышно. Манн уже нажимал на кнопку звонка, глядя вверх, на третий этаж, где под крышей дома, в мастерской Ритвелда было темно, будто хозяин вовсе и не ждал гостей, а давно ушел или улегся спать.

– Он точно понял, что мы поедем именно сюда? – с беспокойством спросила Кристина минуту спустя, когда дверь осталась закрытой, а в доме не слышно было никакого движения.

– Точно, – отрезал Манн. Он давил на кнопку звонка, а потом достал телефон и набрал номер Ритвелда – с тем же успехом, точнее – без всякого успеха, поскольку ни открывать, ни отвечать на вызов художник, похоже, не собирался.

– Что будем делать? – поинтересовалась Кристина, переминаясь с ноги на ногу.

Манн отошел к дому, стоявшему напротив, и попытался разглядеть, что происходило – если что-то происходило – в мансарде Ритвелда, но там было темно, в стеклах лишь отражались уличные отсветы.

Телефон в руке Манна завибрировал, и детектив ответил на вызов прежде, чем вибрация перешла в звуковые сигналы.

– Да, – сказал он, – послушайте, господин Ритвелд, мы битый час стоим перед вашим...

– Я вас вижу, – отозвался художник. – Входите, открыто.

Дверь действительно оказалась незапертой – Манн потянул на себя ручку, и они вошли в холл, где горели два ярких бра, а сверху им кричал Ритвелд, перегнувшись через перила:

– Поднимайтесь и не бойтесь шуметь, мы в доме одни!

Манн держал Кристину за руку, она глубоко дышала, поднимаясь, ступеньки были крутыми, Манн уже был здесь утром и знал, что после последнего поворота лестница станет еще круче, он поддержал девушку, когда она покачнулась, как-то само собой получилось, что он крепко обнял ее за плечи, а сверху на них смотрел Ритвелд, и по выражению его лица легко было понять, о чем он думал.

– Криста, – сказал художник, – я столько раз приглашал вас к себе, а вы отказывались, что теперь я даже и не знаю – доставляет ли мне удовольствие ваше неожиданное появление.

– Вы не слышали, как мы звонили? – прервал Ритвелда Манн. – Вы должны были слышать.

– Входите, – сказал художник, пропуская гостей внутрь. – Я не слышал, извините. Я только что вернулся, хотел перед вашим приходом кое-что уточнить, чтобы на ваши вопросы – вы ведь пришли ко мне задать вопросы, а не назвать имя убийцы? – ответить по возможности точно.

– В доме есть другой вход? – спросил Манн, помогая Кристине сесть на пуфик, на котором сам сидел утром. Картины на мольбертах были занавешены белым полотном и создавали впечатление шести мраморных могильных памятников.

– Нет тут другого выхода, – сказал Ритвелд, усадил Манна на стул, принес маленькую скамеечку и сел на нее так, чтобы видеть и детектива, и Кристину, и чтобы они видели его в свете двух бра, висевших на противоположных стенах мастерской.

– Другого выхода вообще нет, – повторил он, придав фразе двусмысленный оттенок, не уловить который было невозможно.

– И давайте договоримся сразу, – продолжал Ритвелд, обращаясь к Манну, но глядя на Кристину, – если вы пришли к выводу, что Альберта убил я, то это глупо. Я предполагал, конечно, что такая мысль придет вам в голову, но надеялся, что вы ее отбросите сразу, как дурацкую и нелепую. Если вы на ней заикнулись...

– Вы приходили к Койперу позавчера ночью? – спросил Манн. – Вас видел Кейсер.

– Нет, – помотал головой художник. – Но если Питер меня видел, то ему нужно верить, он не обманывает. Знаете, я сам хотел его спросить, но боялся, что он неправильно поймет, то есть – не поймет вообще, а вам он, видимо, сказал правду...

– Если вы признаете, что Кейсер не лжет... – продолжал Манн, потирая пальцами виски, в которых возникла и пульсировала боль, необычная для него и вдвойне неприятная из-за того, что мешала правильно оценить не только ответы художника, но и ситуацию в целом, понять, что происходило на самом деле; входя сюда, Манн это уже знал – как ему казалось, знал точно, – но теперь не был ни в чем уверен, даже в том, в чем, казалось бы, сомневаться не приходилось – лежит, черт побери, труп Койпера в холодильнике городского морга или нет?

– Если Кейсер не лжет, – морщась, повторил Манн, – то вы дали Койперу капсулы с неизвестным веществом, он проглотил содержимое и почти сразу умер. А вы бросили коробочку, из которой доставали капсулы, в мусорную корзину и...

– И – что? – с любопытством спросил Ритвелд, внимательно вглядываясь в лицо детектива и пытаясь прочесть больше того, что сказано было словами.

– И ничего, – сердито сказал Манн. – Вам лучше знать, что вы делали потом и как покинули помещение.

– Откуда мне знать, если я там не был? – удивился Ритвелд.

– Кого, в таком случае, видел Кейсер?

– Меня, наверно, – пожал плечами художник. – Вы же верите тому, что говорит Питер?

– Я никому не верю, – мрачно произнес Манн. – Есть факты. Есть улики, которые можно использовать и предъявить в суде. А есть слова. Одни слова против других слов.

– И есть ваши собственные впечатления, – тихо сказала Кристина. – Своим глазам вы верите?

– Своим глазам – не очень. Вещественным уликам – да. Главная улика лежит у меня в кармане. Вы оба, по идее, не можете знать, что это такое. На улике должны быть отпечатки пальцев. И легко узнать – чьих. Можно оставить это Мейдену – утром я отнесу улику в полицию, они проведут анализ, установят кому принадлежат отпечатки... А можно сделать это сейчас – самим. Это решающая улика. И я знаю, чьи это отпечатки.

– Чьи? – с любопытством спросила Кристина.

– Убийцы, – отрезал Манн. – Итак, хотите провести опыт или утром мне пойти в полицию?

– Господи, – раздраженно сказал художник. – Я вижу, как вам не терпится. Давайте вашу улику. Вы думаете, я убийца? Я вижу, вы так думаете. Давайте улику, и вот мой большой палец.

Манн полез в боковой карман куртки, где лежала завернутая в салфетку коробочка, обнаруженная давеча на верхней полке в кухне Койпера. Та самая коробочка, которая... которой... которую он не мог теперь нашарить и рылся в кармане, тыкая пальцем во все углы, ничего не находя и ужасаясь тому, что, дойдя уже вроде бы до окончательного вывода в расследовании, теперь оказался из-за собственной небрежности (из-за чего еще?) перед необходимостью или начать все сначала, или от всего отказаться.

– Что? – спросила Кристина, участливо наблюдая за тщетными поисками Манна и за выражением его лица – растерянным, хотя детектив старался сохранить видимую невозмутимость. – Там что-то было?

– Что-то было... – пробормотал Манн, вывернув карман наизнанку и не обнаружив в нем ничего, кроме крошечного комочка чего-то сейчас неопределимого, но к ожидаемой улике не имевшего никакого отношения.

Под пристальным взглядом художника и журналистки Манн вывернул все карманы, тщательно проверил и нашел только клочок бумаги с записанным на нем номером телефона –

это был телефон клиента, чьим делом Манн занимался две недели назад, дело оказалось легким, полученный гонорар детектив давно истратил на погашение счетов, а бумажку выбросить забыл.

– Что вы искали? – спросил Ритвелд, когда, отчаявшись, Манн прекратил поиски, бросил куртку на пол и сел на стул, сложив руки на груди и переводя взгляд с Христиана на Кристину. – Что это за главная улика?

– Можно попросить кофе? – спросил Манн, ощущая в затылке давящую боль – то ли поднялось давление, то ли боль была психологической, реакция на непростительную оплошность. Где, черт возьми, он мог потерять коробочку?

– Да, конечно, – Ритвелд поднялся. – Криста, вам тоже? Какой?

– Черный, – сказала Кристина. – Покрепче. Две ложечки. И без сахара.

– А вам, Тиль?

– Тоже, – сказал Манн и, когда художник вышел, продолжил: – Вот и все, Кристина, я проиграл. Не знаю, когда вам удалось...

– Удалось что? – в голосе девушки слышалось такое откровенное недоумение, что Манн опять засомневался в собственных выводах.

– Неважно, – пробормотал он.

– Нет, важно, – сердито сказала Кристина. – Я же вижу: вы хотите меня в чем-то обвинить, у вас взгляд такой, и тон... Вы думаете, я что-то вытащила из вашего кармана?

– Неважно, – повторил Манн.

– Нет, важно! – повторила девушка. – Если это неважно для вас, то важно для меня. Говорите!

– Если вы настаиваете... – Манну казалось, что чем больше он тер виски, тем боль становилась шире и в целом переносимее, будто воду из глубокого колодца вычерпываешь и проливаешь на землю, и она растекается большой, но мелкой лужей, в колодце можно было утонуть, а по луже легко пройти, замочив только подошвы...

– Ведь это вы убили Альберта, верно? – сказал наконец Манн, пытаясь хотя бы по реакции Кристины определить, насколько правильным было его заключение.

– Я? – поразила девушка. – Вы действи... Как это – я?

Нормальная реакция, – подумал Манн. Я бы тоже так реагировал, если бы меня... если бы я был ни при чем, а меня вдруг...

Но ведь все сходится.

– Вы окончили два факультета – психологический и искусствоведения, – сказал Манн. – Вы обучены всем практикам гипноза, верно? Это легко узнать в институте, так что...

– Да, мы это учили, – кивнула Кристина. – Ну и что?

– Дальше. Я все думал – кому выгодно? Кто выигрывает от смерти Койпера? Ритвелд? Кейсер? Некий Икс, шантажист, о котором говорил Альберт? Я сразу решил, что шантажиста не существует, потому что постороннему человеку нужны деньги, а не труп. Когда я познакомился с вами, мне сразу не понравилось... Ну, вы слишком нарочито изображали отсутствие интереса, в то время как, по рассказу Ритвелда, интерес у вас к выставке был. Я подумал: может, Кристина знает больше, чем хочет показать? Что если вы каким-то образом узнали о подмене картин? Вот и причина для шантажа. Но не для убийства, верно? Вечером я навел кое-какие справки... И еще подумал: если вы в это замешаны, то захотите поговорить со мной без пристального взгляда Эльзы. Я, конечно, удивился, увидев вас у дома Койпера, потому что ждал, что вы мне позвоните и будете договариваться о встрече, но ваше нетерпение оказалось сильнее...

– Послушайте, Тиль...

– Нет, пока вы послушайте, Кристина. Вы хороший гипнотизер, верно? Я нашел в интернете ваши оценки. Вы хороший гипнотизер, а я хороший хакер – иногда это бывает

нужно. Вы ведь на экзамене заставили уснуть одного из профессоров, внушили ему, что он Леонардо да Винчи, и бедный старик в присутствии комиссии рисовал на бумаге Мону Лизу – и вроде бы даже неплохо для первого раза.

– Ну да, – сказала Кристина, – я с удовольствием вспоминаю. Если бы вы меня спросили, я сама бы вам рассказала. И не только о том случае.

– Были и другие, верно? Рад, что вы не отпираетесь...

– Почему я должна...

– Потому что, по словам Кейсера, в комнате Альберта непонятно откуда появился Ритвелд, протянул ему капсулы с ядом, тот проглотил, будто это было для него обычным делом... Классический пример внушенного поведения. Ритвелд художник и без пяти минут философ, ничего подобного он делать не умеет, а вы...

– По-вашему, я внушила Христиану идею отправиться к...

– Нет, конечно! Это невозможно, я прекрасно понимаю. Но вы могли внушить Кейсеру, что он видит Ритвелда, когда на самом деле он видел вас. И внушить Койперу, что он должен проглотить таблетку...

– Вы сами верите в то, что говорите? Все это физически невероятно, но даже если бы было так, то – зачем? Вы противоречите сами себе! Только что говорили о том, что шантажисту незачем убивать...

– Смотря какому шантажисту, – покачал головой Манн. – У вас был мотив и для шантажа, и для убийства. Вы узнали о подмене картин – раз. И вы были какое-то время близки с Койпером. Он вас бросил, а вы не из тех женщин, которых можно так просто оставить, верно?

– Это вам Эльза рассказала? – задумчиво проговорила Кристина. – А ей, скорее всего, Фрида. Неважно. Мои отношения с Альбертом не имеют никакого... Когда я узнала, что он умер... У меня была истерика... Я действительно обвиняла себя в том, что он умер. Покончил с собой – так говорили. И мне казалось... Сейчас я понимаю, как это было глупо, наверно, я сама себе внушала, что он сделал это из-за меня – не то чтобы приятно было ощущение, что есть еще мужчины, способные... но какая-то гордость... и жалость тоже... Правда, потом передали, что у Альберта случился инфаркт, и стало как-то легче...

Речь Кристины становилась все быстрее и бессвязнее, похоже было, что она хотела в одной фразе высказать все, что накопилось в ее душе, но Манн, державшийся настороженно и ожидавший от журналистки самых странных поступков, уверен был, что каждое ее слово не случайно и составляет часть гипнотического ритуала, и если ей удалось легко обмануть внимание Ритвелда и Кейсера, то, значит, и с ним она может...

Или не может, если он, будучи предупрежден, не станет поддаваться?

Почему так хочется спать? – подумал Манн. Почему у меня слипаются глаза и в ушах стоит странный тихий звон?

– Кофе! – провозгласил Ритвелд, войдя в студию, и Манн, вздрогнув, выпрямился. Голова все еще была тяжелой, и звон в ушах не прекратился, и взгляд Кристины, от которого Манн старался увернуться, был уже не таким пронизывающим и призывным, но что-то осталось, и детектив встал, чтобы движениями избавить сознание от чужого влияния.

– Давайте я вам помогу, – сказал Манн и принялся снимать с подноса и расставлять на журнальном столике дымившиеся чашечки с кофе, сахарницу, рюмки, бутылку «Камю», вазочки с лимонными дольками, печеньем и конфетами.

– Я одного понять не могу, – сказал Манн, стоя к Кристине спиной, но и спиной ощущая ее взгляд, пронизывавший насквозь и выходявший из груди, как невидимый луч лазера, – что вы сделали с коробочкой... ну, той, где были капсулы. Кейсер утверждал, что вы... простите, Христиан...

– Что Христиан? – удивился Ритвелд. – Вы обо мне говорите? О чем речь?

– Сейчас, – отмахнулся Манн, взял свой кофе и говорил, продолжая смотреть не на Кристину, а на одну из картин, ту, где заходившее солнце наполовину погрузилось в стылую землю. – Кейсер утверждал, что убийца бросил коробочку в мусорное ведро. Впоследствии я обнаружил ее в кухонном шкафу и взял, потому что там могли быть отпечатки пальцев... Но сейчас я не нашел коробочку в своем кармане. Вопрос: зачем нужно было ее выбрасывать в квартире Койпера, если проще было выбросить в мусорный бак на улице? Вопрос второй: можно ли внушить...

– Невозможно, – решительно сказала Кристина. – И не говорите глупостей, Тиль, вы заставляете себя поверить в то, во что еще вчера наверняка не поверили бы ни под каким видом.

– Но ведь вы действительно внушили профессору...

– Господи, это был экзамен!

– О чем речь, господа? – попытался еще раз вмешаться в разговор художник. – Тиль, я вижу, вы в чем-то обвиняете Кристину. В чем?

– Господин Манн утверждает, что я убила беднягу Альберта из мести, а вас с Кейсером шантажировала, потому что узнала от Альберта о вашей афере с картинами.

– Но ведь вы о ней действительно знали, – усмехнулся Манн.

– Ну, знала, – вздохнула Кристина. – Из-за этого мы часто с Альбертом ссорились. Я говорила, что он делает глупость, а он...

– Значит, когда на выставке вы говорили мне... – начал Ритвелд.

– Я говорила то, что думала! – воскликнула Кристина. – Альберт считал, что картины стали лучше, а мне казалось, что это как раз и были копии, те копии, что якобы сгорели в типографии. Это были картины Альберта, вот почему он и сказал, что...

– Господи! – Ритвелд раскачивался на стуле, обхватив голову руками. – Сколько глупостей, сколько нелепостей, сколько ерунды... Тиль, Кристина не убивала Альберта, с чего вы взяли? И шантажом занималась не она, я еще способен отличить мужской голос от женского. Я знаю, что Криста владеет методами гипноза, но нужно быть таким старым перочником, как тот профессор, чтобы суметь поддаться ее гипнотическим чарам. Криста и кошку не способна загипнотизировать, я сам был свидетелем, помнишь, Криста, как лет шесть назад ты устроила сеанс, и ничего не получилось?

– Я-то помню, – вяло сказала Кристина.

– Тиль! – воскликнул Ритвелд. – Спасибо вам! Вы сделали все так, как нужно. Вы обнаружили решающую улику. Я так на вас надеялся, сам я не смог бы...

– Решающую улику? – нахмурился Манн. – Коробочка – вот улика, которая могла бы...

– Глупости, – сказал Ритвелд. – Решающая улика – показания Питера. И исчезновение коробочки. Исчезновение, а вовсе не отпечатки пальцев, которые там могли оказаться.

– Господин Кейсер сказал... – медленно произнес Манн, надеясь на то, что художник закончит фразу и поставит, таким образом, все точки над і.

– Питер сказал, что видел меня. Значит, так и было, потому что... – сказал Ритвелд, помрачнев. Не закончив фразу, он замолчал и долго смотрел на одну из своих картин, Манну с его места трудно было понять – на какую именно: то ли на вторую слева, где был изображен домик в деревне, то ли на третью – с видом на амстердамскую улицу.

Кристина мелкими глотками пила кофе и, похоже, намерена была пить бесконечно долго, даже потом, когда останется одна гуща, все равно она будет подносить чашку ко рту, прищуривать глаза и втягивать каплю за каплей, просто чтобы время шло и ничего не менялось.

Манн ждал. Он готов был к признанию Ритвелда, понимал, что признаваться художнику не хочется, он почему-то надеялся избежать не только признания; наверняка, нанимая Манна, художник предполагал, что детектив запутается и начнет подозревать кого-то, на

кого Ритвелд хотел направить следствие – в том числе полицейское. Помогать ему Манн не хотел – не в его правилах было помогать убийце, это он решил для себя еще в те дни, когда открывал агентство: он понимал, что всю оставшуюся жизнь придется расследовать супружеские измены или распри обманувших друг друга компаньонов по бизнесу, но все равно дал себе слово никогда, ни при каких обстоятельствах не помогать убийцам – могло ведь так получиться, никто не застрахован, что обманутый супруг, получив от Манна информацию, убьет или собственную жену, или ее любовника...

– Значит, это был я, – сказал, наконец, Ритвелд, будто точку поставил в собственных размышлениях. – Я только понять хочу... Во что я был одет, это вам Питер сказал?

– А сами вы не помните? – поднял брови Манн. – Вы подтверждаете, что убили Койпера?

– Я? Да что вы! Конечно, нет! У меня и в мыслях...

– Только что вы сказали – повторяю вашу фразу: «Значит, это был я».

– Я, – кивнул художник. – Но не тот я, что сидит перед вами.

– Да? А какой? Вас что, несколько? Братья-близнецы? Ну конечно, если там был ваш брат, он мог быть одет не так, как вы, потому вы и спросили... У вас нет братьев, Христиан, тем более – близнецов.

– Нет, конечно, – согласился Ритвелд. – Зачем мне убивать Альберта?

– Чтобы он молчал о вашей афере, – пожал плечами Манн. – Вы решили, что он – шантажист, платить не собирались...

– Тогда я должен был убить еще и Питера, верно? Он тоже знал. И Кристину. Те тоже знала, верно? Альберт сделал глупость, рассказав тебе, но ты знала, и я знал, что ты знала – я это понял, увидев, как ты вела себя на выставке. Значит, и Кристину я должен был убить, дорогой Тиль?

– Вы сказали: «Значит, это был я».

– А вы решили, что это признание. Да, я понял, что это был я. Другой. И я вот о чем думаю: если облить эти картины бензином, у меня есть канистра, должно хватить... Облить и поджечь, и чтобы все сторело, как тогда в типографии. Дотла. Тогда Альберт окажется живой? Должен оказаться. А мы все – мы будем помнить, что происходило, или память наша тоже изменится, и вы, дорогой Тиль, перестанете понимать, что вас сюда привело, а я напрочь забуду о том, что просил вас расследовать убийство – действительно, как я смогу это помнить, если Альберт не умрет... или лучше сказать – не умер...

– Пожалуйста, – прервал Манн быструю и бессвязную речь Ритвелда. – Я понимаю, что вы хотите мне внушить. Это не убедит ни Мейдена, ни, тем более, суд. Это не убедит никого, даже Кристину, посмотрите, как она на вас смотрит – будто увидела привидение.

– Вы понимаете? – взмахнул руками художник. – Вы? Тиль, вы замечательный сыщик, вы дали ответы на все занимавшие меня вопросы. Но понять вы не смогли ничего. Извините. И я не хочу, чтобы вы понимали. Точка. Вы получите свой гонорар, когда я продам картины. А доказать, что именно я убил Альберта, вы не можете. И Мейден не сможет. У вас есть коробочка с ядом? Есть что-то, кроме рассказа Кейсера, а он наверняка не пойдет к Мейдену, он еще не сошел с ума, чтобы рассказывать в полиции историю, в которую никто не поверит. Что у вас есть против меня? Ничего. Верно, Кристина?

– Наш контракт не завершен, – упрямо проговорил Манн. – Было два вопроса. Первый – кто убил Койпера. Ответ – вы. Второй – кто вас шантажировал? На этот вопрос я пока не получил ответа.

– Получили, Тиль. Это тоже был я, успокойтесь.

– Звонили сами себе? – усмехнулся Манн.

– В некотором роде.

– Послушайте, Христиан, – сказал Манн. – Вы убили Койпера и признались в этом. Конечно, есть противоречия, но я с ними разберусь, будьте уверены. И не нужно мне вашего гонорара, неизвестно еще, насколько он велик.

– Доброе имя дороже, – кивнул Ритвелд.

– Вам смешно? Но для меня действительно...

– Послушайте, вы оба, – голосом, напряженным до такой степени, что казалось, сейчас сорвется на крик, сказала Кристина. – Хватит паясничать. Тиль, вы ничего не поняли в том, что сами обнаружили. Христиан, начните с начала – я хочу знать, я имею право, вы согласны?

– Да, – серьезно сказал Ритвелд. – Вы имеете право знать. Проблема в том, что такое знание. Что такое истина. Я с самого начала знал все. Но я знал, что то, что я знаю, – вовсе не то, что захотят знать остальные. Полиция, к примеру. Тогда я позвонил вам, Тиль, и попросил провести расследование. Я готов был принять любой ваш вердикт, но был убежден, что истину в моем понимании вы не раскроете. Так и произошло. В вашей версии множество прорех, но вы в ней убеждены, потому что глаза у вас направлены вовне, а нужно, чтобы они смотрели внутрь, в глубину. Впрочем, в ваших способностях я убедился – в конце концов, вы сведете концы с концами, отыщете если не факты, то их заменители, такие, чтобы можно было сложить мозаику исключительно из тех элементов, которые представляются вам ясными, доказанными и однозначными. На самом деле все не так, но это вас не будет беспокоить, потому что в любой картине главное – ее завершенность с точки зрения создателя, то есть вас.

– Не я дописываю картину, – пробормотал Манн, – а полицейское следствие и суд.

– Суд! – воскликнул Ритвелд, взмахнув руками. – Ваш суд оценивает вашу истину. А мою истину оценивает суд толпы. Оба суда уверены в своей оценке. Оба опираются на законы. Первый – на уголовное право. Второй – на законы художественного восприятия, такие же объективные, как закон Ома или Тициуса-Боде.

– Пожалуйста, – устало проговорил Манн. – Я не хочу спорить о вещах, в которых мало понимаю. Вы сами согласились: я сделал то, что вы просили. Нашел убийцу. Вы признались. Это, конечно, не доказательство. Доказательством может стать коробочка с ядом, на которой были бы ваши отпечатки. И знаете что я вам скажу? Она где-то здесь. Вы могли, конечно, выбросить коробочку в окно, когда выходили готовить кофе, но, скорее всего, не сделали этого, потому что предполагали, что коробочка еще может вам пригодиться. Мало ли что... К тому же, она такая маленькая, и спрятать ее легко. Тем более, что полиция, надо полагать, не станет подозревать именно вас, потому что не знает о подмене картин. Мне вы рассказали – зачем, кстати?

– Я хотел знать, – твердо сказал Ритвелд. – Я хотел знать, к какому выводу придет человек, имеющий полную информацию о происходившем. Полную. Я ничего от вас не скрывал...

– Кроме коробочки, – вставил Манн.

– Господи, далась вам эта коробочка! – воскликнул Ритвелд. – Вы уверены, что она была на самом деле?

Манн промолчал.

– Вы доложите обо всем полиции? – деловито осведомился Ритвелд.

– О чем? – спросил Манн.

– О ваших выводах.

– Меня наняли вы. Перед вами я отчитался. Могу прислать письменный доклад.

– И послать в полицию копию. Вы так и сделаете?

– Я обязан, – сказал Манн.

– Вы не работаете в полиции, – напомнил художник.

– Я обещал Мейдену сообщать обо всех найденных мной уликах и сведениях.

– Вот странно, – сказал Ритвелд, глядя в пространство. – И вы, и я пришли к одному и тому же выводу. И вы, и я живем в одном мире, видим и слышим одно и то же. Но понять друг друга не в состоянии. Вы говорите: Альберта убил я. Я тоже это знаю. Но я знаю также, что я, сидящий сейчас перед вами, Альберта не убивал и убить не мог. Я знаю, что произошло на самом деле, но вы мне не поверите, если я расскажу. Вы тоже составили себе картину преступления, и я знаю, что она неверна. Как абстрактное полотно, написанное талантливым художником, изобразившим собственный внутренний мир. И он, и зритель на вернисаже видят один холст, одни линии, одни цвета, – и в то же время ничего общего. В живописи это считается достоинством. В криминалистике – нет.

– Пожалуйста, Христиан, – сказала Кристина. – Я хочу выпить. Коньяк и немного кофе, хорошо?

– Вы хотели сказать: кофе и немного коньяка, верно? – улыбнулся Ритвелд. – Вы позволите, Тиль? Пойдете со мной на кухню или побудете здесь?

– Идите, – пожал плечами Манн. – Я бы тоже от кофе не отказался. Две ложки и без сахара.

Художник взял поднос с пустыми чашками, оставил на столике бутылку коньяка и пошел к двери.

– А когда вы вернетесь, – сказала ему вслед Кристина, – то расскажете все с самого начала.

Ритвелд не ответил.

– Простите меня, Кристина, – сказал Манн, когда художник вышел. – Конечно, я не думал, что вы убили Койпера...

– Спасибо, – сухо сказала девушка.

– Я хотел спровоцировать Христиана на признание...

– И вы его получили, – перебила Кристина. – Теперь вы точно знаете, что Альберта убил он?

– Есть мотив, есть возможность. Не совпадают кое-какие детали – соседи-инвалиды, например, не слышали стука двери, кто-то передвигал тяжелый шкаф... Но ведь они могли ошибиться, верно? Нет решающего доказательства, все улики косвенные, хороший адвокат сделает из обвинения фикцию, и суд присяжных Христиана оправдает, понимаете?

– А мое мнение? – спросила девушка. – Что картины изменились, что подмены не было, что Христиан не такой человек, чтобы убить, а Альберт не такой, что быть шантажистом? Кейсер же вообще трус, на подлог он еще способен, но на убийство и даже шантаж – никогда в жизни. Мое мнение имеет для вас какое-то значение?

– Ваше мнение, Криста, – медленно проговорил Манн, глядя ей в глаза, ему хотелось взять Кристину за обе руки, прижать к груди, трогать ее тонкие пальцы, ощущать запах ее духов, он плохо понимал, что с ним происходило, но хотел, чтобы происходившее продолжилось и чтобы произошло что-то еще, чего в его жизни пока так и не случилось, возможно, и не случится – только потому, что сейчас, именно в это уже протекшее между пальцев мгновение им не удалось понять друг друга, рассмотреть друг друга, увидеть то, что так легко увидеть, если понять и рассмотреть...

– Ваше мнение, Криста, – повторил Манн, отведя взгляд, чтобы не поддаваться очарованию и ненужным сейчас желаниям, – очень интересно и важно. Но это – мнение, понимаете?

– Знаете, Тиль, – мягко проговорила Кристина, взяла Манна за кончики пальцев и крепко их сжала, – мир на самом деле – это представление, возникающее у каждого из нас. Я знаю, что расскажет Христиан, а вы не представляете этого. Ваше представление о реальности рационально, оно, наверно, таким и должно быть у человека, расследующего преступления. А мое представление сложено из эмоций, и то, что для вас – факты, для меня – только

одно из возможных представлений и далеко не всегда правильное. Понимаете? Для Христиана – то же самое, он художник.

– Он убил человека, – упрямо настаивал Манн, пытаясь сопротивляться крепким пальцам девушки.

– Он не убийца, – тихо повторяла Кристина, глядя Манну не в глаза, а гораздо глубже, не в душу, он не знал, что такое душа, не верил в ее существование, но что-то было сейчас в нем такое, о присутствии чего он не подозревал прежде, что-то глубокое и свое, и туда, в его лишь сейчас обнаруженное «я» вглядывалась Кристина и заставляла Манна тоже смотреть и тоже верить, и тоже сомневаться. Гипноз, – подумал он. Вот так она и Кейсера... Вот ему и почудилось...

– Прошу, – сказал Ритвелд, открывая дверь ногой, потому что руки были заняты. На подносе стояли не только чашки, но еще и три тарелочки с сэндвичами: с сыром, красной рыбой и колбасой. Художник опустил поднос на журнальный столик, сделал вид, что не замечает позы, в какой застал Манна и Кристину, а они, отпрянув друг от друга, сделали вид, что все это время занимались разглядыванием посуды на полке.

– Прошу, – повторил Ритвелд, – пейте, Тиль, ешьте, но слушайте меня внимательно, потому что повторить я не смогу. Это полицейский протокол можно повторить сто раз, не меняя ни слова, а впечатления меняются от пересказа, первое – правильное, второе уже впитывает нечто от первого и третьего... В общем, – прервал он сам себя, – если вы готовы, я начну.

* * *

Семь лет назад, узнав о пожаре в типографии, я сказал себе: «Господи, как хорошо, что сгорели всего лишь копии». Подлинники картин стояли в моей мастерской, не здесь, это помещение я снял года три спустя, а тогда я обитал в районе Вестпорта и мог бы, если бы не спал в ту ночь сном праведника, видеть, как занялось над типографией пламя, и слышать вой пожарных сирен.

Мне позвонил Питер, и голос у него был таким убитым, что я подумал: неужели он поссорился с Мартой? Марта была тогда его... Впрочем, неважно, это его личные проблемы. Мы быстро переговорили, согласовали план действий, а потом я поехал к Альберту, который ничего не слышал о пожаре. С Альбертом пришлось непросто – ведь это его работа стала прахом, – но, с другой стороны, по нашему уговору все равно никто не должен был знать о том, что существовали копии, и значит, для Альберта по сути ничего не менялось, гонорар он получил, нам нужно было только гарантировать его молчание – хотя что он мог доказать, даже если бы раскрыл рот? Альберт понимал это не хуже нас, а сумма, которую он получил дополнительно к гонорару, вовсе умерила его претензии.

Расследуя происшествие, страховая компания могла прислать ко мне своих агентов, и я в тот же день вынул картины из рам, свернул холсты, завернул в полотно и спрятал в подсобке – это теплое сухое помещение, я был уверен, что ничего там с картинами не сделается, а рыскать на складе агенты вряд ли будут, нечего было им там искать, они и не стали, пришли двое, долго со мной говорили, все записали, тем дело и ограничилось, случай представлялся ясным даже страховикам, и деньги мы получили незамедлительно.

Тогда это и началось. Может, все сложилось бы иначе, не получи я в те дни несколько крупных заказов – мое имя было у всех на слуху, я стал модным художником, и вот странное дело: не потому, что поразил кого-то своими шедеврами, а наоборот – потому, что не стало картин, о которых ходили слухи и назвать которые шедеврами могли только два человека: я сам и Питер Кейсер. Альберта, понятно, никто не спрашивал.

Я получил выгодные заказы, принялся за работу и понял, что ничего у меня не получится. Нет, заказчики остались довольны, можете спросить, я дам вам адреса, где сейчас находятся мои картины, их купили уважаемые в Амстердаме люди, один до сих пор заседает в городском совете. Заказчики были довольны, а я понимал, какая это мазня без внутренней силы, без энергетики, если вы понимаете, Тиль, что я хочу сказать. Я то и дело бросал кисти и, как пьяница, не способный и получаса просуществовать без бутылки, отпирал дверь в подсобку, разворачивал одну из картин, раскладывал на полу, верхний свет создавал удачное освещение, и я смотрел, как жили на полотне деревья, как тени от домов в лучах заходившего солнца становились длиннее, а в окнах кое-где загоралось электричество...

Я прекрасно понимал, что лишь мое воображение заставляло картины жить – будто заключенная в них сила моей фантазии тоже была свернута в трубку и вынуждена была сдерживать себя, а когда я разворачивал картину, сила фантазии распрямлялась, будто пружина, и на какое-то время заставляла изображение жить по-настоящему: люди двигались, солнце опускалось, тени удлинялись, с деревьев падали листья... Я следил за переменами, пока через полчаса или час все не успокаивалось, застывало в ином, не мной придуманном ракурсе, и я спешил свернуть картину и клал на место, в угол. Я знал, что, когда приду в следующий раз, картина окажется такой, какой ее писал я, а все прошлые изменения, конечно же, останутся игрой моего воображения.

Так продолжалось довольно долго – полгода или больше, – пока я не провел эксперимент: принес в студию фотоаппарат и снял на пленку одну из картин, когда изменения в ней стали, на мой взгляд, совершенно необратимыми. Видите сельский домик, шестая картина слева? Вон тот человек, что стоит у двери – в то утро он неожиданно упал, у него случился сердечный приступ, я знал это точно, и вспышка магния зафиксировала момент, когда он лежал, скрючившись и глядя на меня белыми от боли испуганными глазами.

Пленку я проявил в мастерской Девиата, что на Дамраке – это самое надежное место и самые качественные фотографии. Они... Пленка оказалась непроработанной – на ней не оказалось ни одного отснятого кадра. «Может, вы забыли открыть объектив?» – ехидно улыбаясь, спросил меня мальчишка, выдававший заказы. Это был глупый вопрос – если объектив закрыт, ни вспышка, ни экспозиция не сработают!

Я был обескуражен и больше не пробовал фотографировать мои картины – понимал, что они этого не хотели.

Вы улыбаетесь, Тиль? Будь вы на моем месте, вы отнеслись бы иначе. Вы отнеслись бы, как я. Вы поняли бы, что есть другая жизнь, и все, что наша фантазия отображает на полотне, в стихах или прозе, в мраморе или в музыкальных образах, все это существует на самом деле – где-то, когда-то, как-то. И когда мы уничтожаем картину, мы, возможно, уничтожаем чью-то реальную жизнь, чей-то реальный сад, чье-то реальное прошлое. А если сгорает рукопись... Один русский автор – вы читали «Мастера и Маргариту»? – написал: «Рукописи не горят». Это действительно так – сгореть может бумага, а то, что на ней написано, все равно остается, потому что существует где-то, когда-то, как-то.

Я приходил в кладовку по несколько раз в день, разворачивал одну картину за другой и смотрел, смотрел... Всякий раз картины менялись по-разному и всякий раз становились прежними, когда я заворачивал и оставлял на время – бывало, я возвращался час или полчаса спустя, и все успевало возвратиться на круги своя.

Прежде чем делать выводы, я провел еще один эксперимент: нарисовал два пейзажа – вид на Амстель со стороны бухты – свернул их и поставил рядом с шестью полотнами.

Я с трудом дождался утра – ночью меня посещали кошмары, – примчался сюда, развернул и стал смотреть. Долго, не отрывая взгляда. Ничего не изменилось, ни единой детали. Картины лежали мертвые, как тела в покойницкой. Я, кстати, продал их потом на аукционе за приличную сумму.

Тогда я окончательно понял: в том, что происходило с картинами, виноваты сгоревшие копии. Вы усмехаетесь, Тиль, вам это кажется нелепым? Мне тоже так казалось одно время. Но когда нелепость на ваших глазах меняется... Либо вы должны признать себя безумцем, либо попытаться понять, как такое может произойти на самом деле.

Я попытался понять. Вы наверняка поинтересовались, чем я занимался последние семь лет, верно? И знаете, что я получил первую степень по философии – на большее меня не хватило, но и того, что я узнал, оказалось достаточно, потому что мне не столько знания были интересны, сколько направление поисков той истины, что заключалась в картинах и проявляла себя.

Я искал ответы в религиозных книгах, не только в философских. Мне казалось, что я нашел ответ в индуистских трактатах о самопознании, но я все же понял, насколько был далек от истины. Мне казалось одно время, что ответ содержится в древних текстах, я попытался читать, но это было так примитивно...

В конце концов, я все понял сам. Всегда до всего истинного приходишь своим умом. Истины заемные есть ложь. Когда я понял, мне не нужно было проводить эксперимента, чтобы что-то себе доказать. Это было озарение, интуитивное прозрение – как можно доказать то, что явилось ниоткуда, подобно вспышке, и ты понял, и понимание стало в тот же момент частью тебя, все равно, как если бы ты не знал, что дважды два – четыре, и вдруг прозрел, и воскликнул «да ведь дважды два – четыре, как же я, дурак такой, не понимал этого раньше?» И разве это нуждается в доказательстве?

Я понял, что существует множество миров, подобных нашему и совсем не похожих. Возможно, их бесконечное количество, но я не могу представить себе бесконечность, это понятие мне чуждо, хотя в одной популярной статье я прочитал, что какой-то физик действительно утверждает, будто мир бесконечен не только в наших четырех измерениях, но и во множестве других, которые мы не можем ощущать, но которые связаны с нашими пространством и временем мириадами нитей причин и следствий. Связи эти спонтанны и неожиданны, проявиться могут в любом месте и времени. Мы сами постоянно это ощущаем и видим, но не придаем значения, не обращаем внимания. Разве вы не встречали на улице человека, о котором точно знали, что он умер – возможно, даже были на его похоронах? Как похож, говорили вы и торопились прочь, не пытаясь подойти и спросить имя, заговорить, понять. А может, просто боялись, что так и окажется, и вам придется менять свои убеждения, вам было страшно – но не от того, что вы встретили мертвеца, а потому, что хотели остаться самим собой...

И разве не бывало с вами такого: вдруг вы находили чуть ли не на самом видном месте в квартире предмет, потерянный год назад? В свое время вы тщательно искали, осмотрели все углы – не нашли и успокоились, и вдруг вот он, и вы стоите в недоумении, вертите вещь в руке, это она, сомнений нет, но как вы могли не замечать ее так долго?

Вы и мысли не допускаете, что вчера, когда вы искали, вещи действительно не было, и появилась она потом, когда вы не смотрели, возникла из ничего, а если бы вы не спускали с этого места глаз, то и вещь не возникла бы, потому что все взаимосвязано: вы, ваш мир, мир вашего духа, вашей фантазии, и тот, другой мир, в котором и вы, и ваш дух, и фантазия ваша существуют в ином, измененном виде; иногда эти миры пересекаются, и тогда отыскивается давно потерянный предмет – он никуда не исчезал, он был всегда, и физик сформулировал бы по этому поводу какой-нибудь закон сохранения, – но пребывал этот предмет в другом мире, и я вам скажу кощунственную вещь, но мне она кажется естественной: возможно, многие из тех, других миров вовсе и не материальны? Нет, я не о духе говорю, а о чем-то другом, отличном от материи, как электромагнитное поле отлично от куска горной породы. Наверно, есть и такие миры, потому что как иначе соединить две реальности – должен быть мост, верно?

И если существуют другие миры, то в них живем мы – тоже другие, а может, такие же самые, только в одном из миров кто-то из нас родился раньше, чем здесь, кто-то позже; в другом мире я, возможно, так и не написал этих картин, а если написал, то не заказал копий, а если заказал, то они не сгорели, и нам с Питером не пришлось обманывать страховые компании, вы все это понимаете, Тиль? А вы, Кристина?

Я долго думал об этом, и однажды на меня напал страх. Жуткий, необъяснимый – страх того, что картины эти, если они действительно являются собой связующее звено с теми, сгоревшими, если оригиналы связаны с копиями какими-то энергетическими нитями, если те, сгоревшие, пребывают в одном из иных миров, то, значит, и эти картины, изменения в которых я наблюдал каждый день, – значит, и они стали частью не нашего, а какого-то иного мира и, возможно, даже не одного – почему картины всякий раз иные? Значит, всякий раз я вижу другие картины, те, что я писал во втором мире, третьем, десятом?

Я испугался – сам не знаю чего. Я подумал, что если и дальше держать картины в кладовке, то энергетика их, возраставшая всякий раз, когда я их раскладывал на полу и смотрел на произошедшие перемены, эта энергетика действует на меня подобно гипнозу, и я сам становлюсь другим, в меня переходят частицы тех миров, ведь когда я смотрю на картины, я и сам нахожусь там, а не здесь, верно?

И если когда-нибудь я останусь там навсегда?

Это, наверно, так – ведь что-то заставило меня семь лет назад заказать копии и создать энергетические связи с теми мирами, в которых копии сохранились, а мои картины сгорели...

Только страх заставил меня совершить глупость – вытащить картины из подсобки, вставить в рамы, расставить по мольбертам в мастерской и объявить, что восстановил сгоревшие полотна. Я думал, что если множество глаз станут отслеживать каждое возможное изменение, то изменений не будет вообще. Картины меняются, когда остаются одни, а если на них смотреть – да еще в тысячи глаз, – то как они могут измениться? Ведь не появляется забытая книга из ничего на ваших глазах – вечером вы идете спать, ее еще нет на полке, утром она уже стоит, а если бы вы всю ночь бродили по комнате и неотрывно смотрели? Книга не появилась бы, потому что существуют какие-то законы природы, о которых ни я, ни, возможно, самые умные ученые не имеем ни малейшего представления.

Я думал избавиться от кошмара, а вместо этого получил кошмар, много более страшный.

Я сказал, что мы не знаем законов того слишком для нас сложного мира, в котором живем сами и который пытаемся понять. Мы их действительно не знаем! Почему, едва картины были вынесены на свет из тьмы, мне начал звонить неизвестный и намекать на события семилетней давности? Почему его голос казался мне таким знакомым, что я не мог его узнать? Это был мой собственный голос, Тиль, и я понял это только после того, как вчера утром, когда неизвестный позвонил опять, записал разговор на магнитофон и сравнил запись с записью моего же голоса на автоответчике. Я звонил себе, я был шантажистом и грозил рассказать всем о собственном поступке. Может, это звонила моя совесть из какого-то измерения, где личность нематериальна?

Не пожимайте плечами, Тиль, я знаю, о чем вы думаете, но я-то думаю иначе, и для меня все, о чем я думаю, реально так же, как для вас реальны отпечатки пальцев.

А потом умер Альберт, и в то утро, услышав о его смерти, я подумал, что это я убил его. Я знал это так же точно, как знал о том, что над домом взошло солнце. Когда вы думаете «Дважды два – четыре», вы же не спрашиваете себя, как вам удалось посчитать и откуда к вам пришло знание. Но вы уверены в том, что это так, вы это знаете.

Я знал. Я в то же мгновение знал – я убил Альберта. Как? Нелепо, верно? Он умер от инфаркта. Я знал, что не видел Альберта после вернисажа, не приходил к нему, не говорил

с ним, я не мог его убить – у меня и мысли такой не возникало, почему же я был уверен в том, что – убил?

Может, я чего-то не помнил о самом себе?

Только человек, обеими ногами стоящий на этой земле, мог бы сказать мне точно – убийца я или нет. Тогда я позвонил вам, Тиль, и попросил взяться за это дело. Я уговорил вас. И свои выводы вы сделали. Вам Питер рассказал о том, что видел меня у Альберта – мне он никогда бы в этом не признался. Вы решили, что все это – результат внушения и даже подозревали Кристину. Меня вы убедили в том, что Альберта действительно убил я. А себя вы убедили в обратном, потому что, с вашей точки зрения, Альберта я убить не мог.

И оба мы правы.

Что такое правда? Разве не правда, что эти картины писал я? Разве не правда, что это те самые картины, что были написаны семь лет назад? И разве не правда, что они стали другими, хотя в них – я уверен – не изменился ни один атом? Кристина, скажите, вы сами утверждали это сутки назад – это другие картины?

* * *

– Плесните мне коньяку, – сказала Кристина. – Спасибо. Вы хотите сказать, Христиан, что в одном из ваших миров вы действительно пришли к Альберту, заставили его выпить отраву, и он умер? Умер – там? Или здесь?

– Тиль, – проговорил Ритвелд, подняв рюмку с коньяком и разглядывая ее на свет, – вас мой рассказ ни в чем не убедил, верно?

– Что такое правда? – задумчиво сказал Манн, чувствуя, как возникшая недавно пульсирующая боль в левом виске становится сильнее и мешает соображать, хотя о чем нужно соображать, если все было понятно еще час назад и рассказ художника не мог ни на йоту изменить его основанное на реальных уликах и фактах мнение? – Правда не зависит от нашего состояния, от нашего мнения, от нашего желания. Правда объективна.

– Объективна истина, – сказал Ритвелд, – а правда у каждого своя. Для вас правда в том, что Альберт был убит. Для меня правда в том, что я не был у Альберта, но все равно был и дал ему лекарство, которое вызвало приступ. Это правда. Истины здесь нет вовсе. Истина возможна в каком-то одном мире, поскольку в нем не перепутаны причины и следствия. А когда смешиваются события и явления из разных миров, истины быть не может. И тогда каждый остается при своей правде.

Манн покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Все гораздо проще. Дайте мне пленку с записью голоса шантажиста, и полицейские эксперты сравнят ее с вашей записью и записью голоса Койпера...

– У меня нет этой пленки, – вздохнул Ритвелд, – я ее уничтожил.

– Почему?

– Вы не понимаете? Она была связующим звеном между мирами. Я не хотел. Я хотел остаться здесь.

– Вы уничтожили важную улику, – недовольным голосом сказал Манн. – И сейчас я не знаю – была эта запись или вы все выдумали. Как и историю с меняющимися картинами.

– Выдумал? – с недоумением проговорил Ритвелд. – Вы мне не верите? Зачем мне лгать?

– Вы верите себе, Христиан. Я знаю множество людей, которые верят в собственные фантазии. А есть факты. Койпер умер от обширного инфаркта – это подтверждено результатами вскрытия. Он не мог быть отравлен – если и была коробочка с лекарством, я ее потерял.

– А рассказ Питера...

– Так же, как ваш, Христиан. Он хотел показать, что был в тот вечер не в себе, хотел отвлечь внимание от разговора. Возможно, он решил, что чем нелепее рассказ, тем меньше я или полиция будем придавать значение его словам.

– Значит...

– Вы хотите, чтобы я дал вам письменный отчет о своей работе? – деловито спросил Манн. – Не забудьте, одна из этих картин – моя. Не сама картина, понятно, а ее стоимость.

– Я это помню, – медленно сказал Ритвелд, глядя на Манна так, будто перед ним сидел не детектив, которому художник поручил расследование преступления, а сам преступник, которому по странному стечению обстоятельств выпало сыграть роль сыщика. – А если...

– Что? – спросил Манн.

– Если я не продам картины?

– Значит, я останусь без гонорара, – Манн пожал плечами. – Но вы их продадите. Я уверен. Вы не станете держать их у себя, потому что не захотите медленно, но верно сходить с ума. Если каждый день видеть, как на мертвых холстах меняется изображение...

– Да, – пробормотал Ритвелд, – вы правы. Я должен их...

Он замолчал, налил себе полную рюмку коньяка и выпил одним глотком.

– Христиан, – осуждающе сказала Кристина, – не надо бы вам пить так много.

– Криста, – сказал Ритвелд, бессмысленно улыбаясь – похоже было, что он уже потерял над собой контроль, – мне сейчас сказали, что я никого не убивал. Разве это не повод выпить? И ради Бога, ребята, оставьте меня, хорошо? Я хочу побыть один.

Кристина и Тиль посмотрели друг на друга и поняли, что им действительно лучше оказаться в другом месте. Совсем в другом. Может, в том, что изображено было на третьей картине Ритвелда – той, где солнце прицепилось к шпилью какого-то здания в каком-то районе какого-то города, только похожего на Амстердам, а на самом деле совершенно другого, и в этом городе можно было забыть обо всем, можно было остаться вдвоем даже в самой шумной толпе, потому что это был город личностей, и толпа, если бы им довелось ее встретить, была бы группой личностей, и личностями были дома, и шпиль, и облака в небе, и заходящее солнце, и уж, конечно, они сами – двое, пожелавшие быть друг с другом.

– Позвоните мне утром, – сказал художнику Манн, взял Кристину под руку и пошел к двери, не оборачиваясь.

– Да-да, – рассеянно проговорил Ритвелд.

Кристина молчала, пока они спускались по узкой крутой лестнице, холл был пуст, и улица была пуста, по-прежнему горел лишь один фонарь, и, выйдя из дома, Кристина высвободила свой локоть из крепких пальцев Манна и сказала твердым, не терпящим возражений голосом:

– А теперь, дорогой Тиль, хватит играть. Вы пощадили Христиана. Почему?

Манн повел шеей, говорить ему не хотелось. Ему хотелось стоять молча, а лучше всего – оказаться в одном из тех миров, что описывал Ритвелд, и там встретить эту женщину, там она будет другой, и там он сможет сказать ей не то, что должен, а то, что хочет. Хорошо быть человеком с воображением, можно уйти в любой из тобой созданных миров, и никто там тебя не достанет, особенно если еще и накачать себя коньяком, что, мол, спросу с пьяного...

– Потому, Кристина, – сказал Манн, – что убийцу Альберта я, конечно, нашел. Нет никакой мистики. Нет никаких потусторонних миров. Просто человеческие отношения. Это такая простая и такая бесконечно сложная материя, что без однозначных улик невозможно... А улики все уничтожены. Нет их – ни одной. Понимаете?

– Нет, – сказала Кристина. – Только что вы сказали, что Альберт умер от инфаркта.

– Вы убили его, – печально сказал Манн, – и это так же очевидно, как и недоказуемо.

– Вы не удивились, – сказал Манн минуту спустя. Минута эта прошла в молчании, Кристина смотрела куда-то вверх, но звезд видно не было, небо скрывали облака, а Тиль хотя

и стоял с открытыми глазами, но не видел ничего и ничего не чувствовал. – Вы не удивились, не возмутились и не послали меня к черту.

– Вы говорите глупости, Тиль, – вздохнула Кристина. – Час назад вы уже...

– Я говорю правду, – сказал Манн убежденно. – Не истину в понимании Христиана, но правду в нашем с вами понимании. Послушайте. Вы были любовницей Альберта, верно? И он рассказал вам однажды о картинах. Вы еще тогда поняли, что где-то хранятся подлинники. Вы хотели видеть эти картины, вас к ним тянуло, это была тайна, а вы любите тайны, верно? И вы... Я не знаю, как вы выбирали. Картины могли быть у Ритвелда, но могли быть у Кейсера – ведь после расследования, проведенного страховой компанией, Христиан мог бояться хранить у себя эти полотна. Кто из них? Вы начали с издателя. Вы... Простите, Криста, что я вынужден так говорить... Вы стали с ним близки, для вас это не так важно, не важнее цели... А он вас полюбил. Стареющий мужчина, последняя женщина, он готов был на все – даже расстаться с женой, на которой женился совсем недавно. Но вам это было не нужно, вы быстро убедились, что Кейсер понятия не имеет, где картины, и вы его бросили. Вашей целью стал Ритвелд, а он... Ему, извините, было на вас плевать. И тогда вы задумали... У вас замечательная голова, Кристина, я восхищаюсь, мне бы это и в голову не пришло...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.